

Литрес ≡ Классика

Гастон Леру

НЕВЕСТА СОЛНЦА

Гастон Леру
Невеста солнца

«ЛитРес»

1912

Леру Г.

Невеста солнца / Г. Леру — «ЛитРес», 1912

Роман французского писателя Гастона Леру «Невеста Солнца» переносит читателя в Южную Америку начала XX века. Молодой инженер Раймонд Озу вместе со своим чудаковатым дядей-учёным прибывает в Перу, где встречает старую знакомую – Марию-Терезу. Девушка отвечает ему взаимностью, но их планам угрожает тревожная обстановка в регионе: среди местных индейцев зреет восстание и, по слухам, готовятся забытые жестокие ритуалы. Когда возлюбленную Раймонда похищают, герои отправляются в опасное путешествие через охваченную волнениями страну, чтобы спасти её, прежде чем она станет «невестой Солнца».

© Леру Г., 1912

© ЛитРес, 1912

Содержание

Книга первая	6
Встреча	8
Индеец Гуаскар	11
Прекрасные туземки	15
Приближение праздника Солнца	19
Кто подарил браслет?	24
Игра в келли черепами	26
Призраки	28
Книга вторая	30
Тень завоевателя	33
Разговор в темную ночь	37
Опять Гуаскар	39
Подарок Атагуальпы	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Гастон Леру
Невеста Солнца**

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Книга первая Браслет Золотого Солнца

Пароход едва успел войти в гавань Кальяо¹, не успел даже бросить якорь, как им завладела толпа крикливых тиранов-лодочников. Палуба, лестницы, каюты, столовые, – все мгновенно захлестнула эта живая волна, стремившаяся унести с собой пассажиров. Дядюшка Франсуа-Гаспар Озу, академик, член Отдела надписей и изящной словесности, усевшись на чемоданы, где были спрятаны все его бумаги и драгоценные справочники, энергично защищался от этого нашествия.

Напрасно ему доказывали, что пароход не сможет пристать к набережной раньше, чем через два часа, – он цеплялся за свои сокровища, клянясь, что не расстанется с ними ни за что на свете... Позволить этим темнокожим дьяволам бросить в утлые суденышки столь драгоценный багаж – подобная мысль, очевидно, не могла прийти в голову ученому. И весь его гнев обрушился на молодого человека, его спутника, осмелившегося высказать вслух эту дерзкую мысль. Но молодой человек, видимо, был не из робких: нимало не смутившись, Раймонд

¹ Приморский город в Перу (Южная Америка)

Озу преспокойно пожал плечами, которым мог бы позавидовать атлет, и решил предоставить дядюшке самому выбирать с корабля. Он же слишком торопился, а потому прыгнул в первую попавшуюся лодку и тотчас приказал гребцу посильнее налечь на весла.

С бьющимся сердцем Раймонд Озу вглядывался в приближавшуюся к нему страну его грез, – страну золота и легенд, сказочное Перу древних инков², страну, таящую и другие сокровища, более ценные для него, Раймонда. Недаром у него так билось сердце.

Он ничуть не был разочарован однообразием открывшегося перед ним прибрежного пейзажа. Его не огорчило то, что город плоский, некрасивый, лежит почти на одном уровне с морем, что в нем нет колоколен, башен и минаретов, которые в древних городах обычно еще издалека кивают путешественникам, будто приветствуя их. Не заинтересовался он и хитрой конструкцией мола, хоть и был молодым инженером, только что выпущенным из «Центральной школы». Его, надо полагать, интересовало нечто совсем иное...

² инки – царский род, правивший в древности индейским населением Перу, впоследствии завоеванным испанцами под предводительством Франсиско Писарро

Встреча

По его просьбе лодочник указал, где приблизительно находится Лимская *калле* (улица), и молодой человек уже не отрывал своего взгляда от указанного ему места. Выскочив на берег, он бросил несколько *сентаво*³ лодочнику, бесцеремонно растолкал навязчивых гидов, переводчиков, провожатых и прочих паразитов, сразу осадивших приезжего, и зашагал в указанном направлении. Калле Лима, по-видимому, служила как бы границей между старым городом и новым. В этом последнем, расположенном выше первого, была сосредоточена вся крупная торговля: огромные дома, прямые широкие улицы с непрерывными рядами магазинов французских, испанских, английских, итальянских, немецких. В старом городе, внизу, улицы были узенькие, путаные, красочные; дома с колоннадами, с верандами громоздились один на другой, захватывая все свободное пространство. На каждом шагу в этом лабиринте Раймонда толкали китайцы-носильщики, ловко справлявшиеся с тяжелыми, громоздкими ношами, и лениво бредущие с пустыми руками индейцы. Несколько *ранчо* (кабачков), посещаемых главным образом матросами, радуясь прохладе, открыли свои двери прямо на улицу... Раймонд никогда раньше не бывал в Кальяо, но шел с такой уверенностью, словно отлично изучил этот город, лишь изредка замедляя шаг на перекрестках. Внезапно он остановился, как вкопанный и, побледнев, прислонился к облупившейся стене старого дома, с полуоткрытой веранды которого до него доносился звучный женский голос. Голос был молодой и приятный – и звучал очень уверенно, заявляя по-испански невидимому собеседнику:

– Как вам будет угодно, сеньор, но за эту цену вы можете получить лишь низший сорт гуано⁴. В нем всего 4% азота, да и то...

Разговор закончился обменом учтивостями; потом внизу хлопнула дверь... Раймонд, волнуясь все больше, шагнул к веранде и заглянул... На веранде сидела молодая женщина редкой красоты, но лицо у нее было строгое. Может быть, работа, которой она была в данный момент занята, придавала ей такой строгий вид: она просматривала большие кассовые книги, наводя какие-то справки, и вписывала цифры в крохотную записную книжечку; книжечка висела на золотой цепочке, охватывавшей прелестную, стройную талию. Вероятно, оттого, что работа эта поглощала все внимание молодой девушки, брови ее были сдвинуты, между бровей залегла складка, и профиль казался суровым. В этой женщине не было и следа томности креолок, не было и типичной испанской красоты, если не считать роскошных черных волос. У нее было тело Кармен и голова Минервы – голубоглазой Минервы, богини мудрости, из которой вышла бы превосходная конторщица. Наконец она подняла голову.

– Мария-Тереза!

– Раймонд!

Огромная зеленая книга с шумом свалилась на пол. Молодая девушка подбежала к окну. Раймонд схватил ее руки и не выпускал, покрывая их поцелуями... А она – она смеялась... смеялась от радости, что видит его, такого высокого, сильного, красивого, с золотистой бородкой, делавшей его похожим на ассирийского волшебника.

– Ну, как дела с гуано?

– Недурно. А ваши?.. Но ведь вас ждали только завтра.

– Мы сэкономили одну остановку.

– Как поживает моя маленькая Жанна?

– О, моя сестра уже совсем большая: у нее скоро будет второй ребенок.

³ мелких монет

⁴ Птичий помет, в изобилии находимый на островах Тихого океана; превосходное удобрение и главный предмет торговли Перу

– А Париж?

– В последний раз, когда я видел его, шел проливной дождь.

– А Сакре-Кер?⁵

– Ну, там-то я, понятно, не бывал после вашего отъезда.

– Говорят, он продается.

– Как я жалею, что я недостаточно богат, чтобы купить его... если б можно было взять оттуда только приемную... тот уголок, где мы сидели, поджидая вас и Жанну...

– Позвольте... А где же ваш дядюшка? Куда вы его девали?

– Не захотел бросить свою коллекцию – так и остался на пароходе. Все что-то записывает, словно Америку открыл... Но где же у вас дверь? Боже мой, где же дверь?.. Я не смею влезть к вам через окно... И потом – я вам мешаю...

– Страшно. Тем не менее, обойдите вокруг дома – первая дверь направо – и постучитесь, прежде чем войти.

Справа были огромные ворота со сводами; они вели в огромный двор, где суетилась и сновала целая армия китайских кули⁶ и индейцев-кечуа. Большие нагруженные телеги с грохотом въезжали под своды ворот; другие порожняком выезжали обратно в гавань. «И она тут всем верховодит!» – с радостным трепетом подумал молодой инженер.

Она ждала его на пороге конторы, радостно улыбаясь.

Она заперла дверь и подставила ему свой лоб.

– Поцелуйте меня.

Смущенно и робко он поцеловал ее в пышные волосы. Это было впервые. Она была взволнована гораздо меньше. И, видя, что он стоит растерянный, не зная, куда деть руки и восторженно любуясь ею, она первой спросила:

– Значит, мы любим друг друга?

– О! – молодой инженер стиснул руки так, что пальцы хрустнули.

– Почему же мы раньше не признались?

– Разве теперь уже поздно?! – в ужасе вскрикнул Раймонд.

– Успокойтесь – нет. Я только что отказала моему четвертому жениху, дону Алонсо де Куэльяру: в Лиме это, пожалуй, самая блестящая партия, милый мой Раймонд! Отец жутко взбешен. Кстати, вы и не спросите, как поживает мой отец?

– О! простите... Ну да, конечно, и отец, и братья... Я совсем растерялся, поглупел... я только все смотрю на вас...

– Мой милый папочка чувствует себя превосходно. И очень рад вашему приезду, то есть, главным образом, приезду вашего дядюшки, так как вы, собственно, не в счет. Он счастлив возможности принять у себя академика, известного ученого. Вот уже месяц, как он только и говорит об этом – и в своем клубе, и в географическом обществе, где его выбрали секретарем. О да, мой папочка – человек занятой... он занимается археологией... Он всюду велит копать землю в надежде разыскать кости наших предков... Его это так занимает... Никогда еще он не казался таким молодым и таким оживленным... Когда вы поближе его узнаете, вы очень его полюбите.

– Но сейчас... вы только что сказали: он взбешен.

– Еще бы! Я ведь уже засиделась в девках... Двадцать три года... Да-с, сударь мой... И вот, за меня сватаются подряд четыре молодых, красивых и богатых сеньора, а я им подаю карету... Знаете, как меня прозвали в Лиме? *Дева Солнца*.

– Это что же значит?

⁵ женский монастырь, являющийся вместе с тем и закрытым учебным заведением для девиц из аристократических семейств

⁶ носильщики

– Тетушка Агнесса и старая Ирена, заучившие наизусть все местные легенды, объяснят вам это лучше моего. По-видимому, это что-то вроде античной весталки.

– Мария-Тереза, никогда ваш батюшка, маркиз Кристобаль де ла Торрес, не согласится взять в зятя Раймонда Озу.

– Не говорите глупостей. Мой батюшка сделает то, что я хочу. Позвольте мне только самой выбрать благоприятный момент, чтобы сказать ему – больше я ни о чем вас не прошу – и не взвинчивайте себя. Никакого романа не будет, и через три месяца мы самым прозаическим образом повенчаемся в Сан-Доминго. Уж в этом я вам ручаюсь...

– Но у меня ни гроша за душой.

– Вы молоды, здоровы, мы любим друг друга – чего же еще! Перу – золотое дно: есть чем заняться инженеру... Я уже заранее заинтересована вашими будущими работами... Мы вместе съездим в Куско...

– Мария-Тереза!.. Мария-Тереза! Как я вас люблю! как я счастлив, что могу сказать вам это!.. Почему мы так и расстались, не сказав об этом друг другу в Париже?

– Потому что мы не знали... Живешь рядом, видишься каждый день... как друзья, как добрые товарищи... потом расстаешься... и вдали, в разлуке... убеждаешься, что любишь...

– О, я и раньше знал, что люблю вас.

– Да, но первой об этом сказала вам я.

Они взялись за руки и некоторое время стояли молча.

Внезапно на дворе послышался какой-то шум – и почти тотчас же дверь отворилась. В комнату ворвался перепуганный служащий. При виде незнакомого гостя он смутился и запнулся на первом слове... Мария-Тереза приказала ему говорить, и Раймонд, недурно знавший испанский язык, понял, что случилось несчастье.

– Там, на островах, было целое сражение между индейцами и китайскими кули. Один кули убит, трое серьезно ранены.

Мария-Тереза приняла это известие совершенно спокойно. Только спросила сухо и сурово:

– Где это было?.. На Северных островах?

– Нет – в Чипче.

– Разве Гуаскара не было с ними?

– Был. Он и вернулся с ними. Он здесь.

– Позовите его сюда.

Индеец Гуаскар

Служащий вышел, а минуту спустя в дверях появился великолепный индеец. Как ни хорошо владела собой Мария-Тереза, этот был еще невозмутимей ее. Молодая девушка снова уселась за конторку. Индеец спокойно подошел к ней, на ходу полным благородства жестом снимая огромную шляпу. Это был уроженец Трухильо – края самых рослых, красивых и сильных людей, где всякий считает себя потомком самого Манко Капака, первого царя из рода инков. Его густые черные волосы ниспадали на плечи, обрамляя профиль, словно высеченный из красной меди. Во взоре его, устремленном на Марию-Терезу, была какая-то странная нежность, которая сразу не понравилась Раймонду. Индеец был задрапирован в *пончо* – плащ ярких цветов. За поясом у него торчал из ножен нож.

– Расскажи мне, как это произошло, – строго сказала Мария-Тереза, не ответив на его поклон.

Несмотря на свое хладнокровие, индеец, видимо, несколько смутился от такого холодного приема в присутствии чужого и заговорил на языке кечуа. Но молодая девушка тотчас же попросила его говорить по-испански, вдобавок строго заметив, что в хорошем обществе не принято говорить при чужом человеке на непонятном ему языке. Индеец нахмурился от этого выговора и с минуту презрительно, свысока, смотрел на Раймонда.

– Я жду, – сказала Мария-Тереза. – Твои индейцы уколошили моего китайца.

– Бесстыдный сын Запада смеялся над тем, что наши индейцы зажгли *коэты*⁷ в честь новой луны.

– Я плачу жалованье индейцам не за то, чтобы они забавлялись пусканием ракет.

– Это был благородный праздник новой четверти луны...

– Да, сегодня четверть, завтра половина, потом полнолуние... А солнце... а звезды... а католические праздники: одних этих целая уйма... Твои индейцы только и знают, что праздновать. Лентяи, пьяницы! Я их потому только и терпела, что они – твои друзья; но раз они начинают убивать моих слуг, которые служат мне лучше их, я больше терпеть не стану.

– Бесстыдные сыны Запада не слуги тебе – они не любят тебя...

– Они работают.

– За грош... У них нет и капли достоинства... Собачьи дети!

– Они мне служат, а твоих я держу только из жалости.

– Из жалости!

Индеец словно выплюнул это слово. И, взмахнув рукой, потряс над головой кулаком – жестом угрозы и отчаяния... Но рука его тотчас же опустилась... Он направился к двери, но прежде, чем отворить ее, обернулся и с порога бросил Марии-Терезе скороговоркой несколько фраз на языке кечуа. Глаза его метали молнии... Он гордо завернулся в свой яркий плащ и вышел.

Молодая девушка все время машинально играла карандашом.

– Счастливого пути! – бросила она ему вслед.

– Что он вам сказал?

– Что он уходит, и я не увижу его больше.

– Он страшно зол.

– Это он напускает на себя. Мне это надоело. Он очень предан нам. Уверяет, будто сделал все возможное, чтобы предотвратить несчастье. Но его индейцы – невозможный народ!.. Гордость невероятная, а работать не желают. С этого дня я буду брать только китайцев.

– Берегитесь, как бы это не повредило вам!

⁷ фейерверк

– А что же прикажете делать? Я держала индейцев Гуаскара, хоть и знала, что пользы от них никакой, в качестве громоотвода. Но раз они убивают моих кули... Могут проваливаться на все четыре стороны.

– А Гуаскар?

– Как знает. Он вырос у нас в доме. Он обожал мою мать.

– Ему, должно быть, будет тяжело уйти.

– Наверно.

– И вы даже не попытались удержать его?

– Нет... Но мы забыли о вашем дядюшке.

Она позвонила.

– Автомобиль, – кинула она слуге. – А... а что индейцы?

– Ушли вместе с Гуаскаром.

– Все ушли?

– Все.

– Без крика... без ропота?

– Без единого слова.

– Жалованье получили?

– Нет. Даже и не спрашивали. Гуаскар запретил им.

– А кули?

– Они не возвращались с островов.

– Но где же раненые... убитый?.. Что с ними сделали?

– Китайцы сами унесли их в свой квартал.

– Отличный народ... Живей автомобиль!

Она уже успела надеть кокетливую маленькую шапочку и торопливо натягивала перчатки. И сама села править мотором.

Они быстро спустились к *муэлле*⁸ Дарсена. Раймонд восхищался ловкостью, с какой его невеста избегала препятствий, ее самообладанием, рассчитанностью каждого ее движения в этом квартале, полном неожиданностей. Мальчуган в ливрее – грум или «бой», как их здесь называют – скорчившийся на подножке, нисколько не пугался, когда автомобиль едва не задел стены.

– Вы много ездите на автомобиле здесь, в Перу?

– Конечно, нет... дороги слишком плохи. Я езжу, главным образом, из Калья в Лиму⁹, куда, разумеется, возвращаюсь на ночь. Потом иногда езжу к морю, на дачу, в Анкону или Корильос... Одну секундочку, мой милый Раймонд.

Она затормозила и ласково послала рукой привет кукольной головке, розовой и завитой, улыбавшейся ей из окна меж двух горшков цветов. По знаку Марии-Терезы голова исчезла и появилась снова в низкой двери на плечах изящного маленького старичка, разодетого в пышный мундир. Мария-Тереза соскочила на тротуар и о чем-то пошептала с кудрявой головкой, после чего снова вскочила в автомобиль, дала сигнал рожком и продолжала свой путь к гавани.

– Это, – пояснила она, – сеньор главный инспектор, начальник местной полиции. Надо же было уведомить его о происшедшем. Все обойдется благополучно, если китайцы не будут жаловаться в суд. Я поехала этой дорогой, так как была уверена, что найду его здесь.

– То есть, где именно?

– У малютки Женни. Мы в квартале любви, мой милый Раймонд.

Они не опоздали. Буксирный пароходик только что причалил к пристани, таща за собой большой почтовый пароход Тихоокеанской компании, на котором дядя Франсуа-Гаспар,

⁸ Мол

⁹ Столица Перу

должно быть, все еще сидел над своей записной книжкой, записывая: «При входе в гавань Кальяо вам прежде всего бросается в глаза...» и так далее, и так далее.

Он обещал посылать путевые заметки в одну из вечерних парижских газет. Если бы он только слышал, с каким энтузиазмом Мария-Тереза говорила о «своем» порте! Французская строительная компания затратила на него 60 миллионов... товары перегружают прямо с палубы в вагоны железной дороги... бассейн шириной в 20.000 с лишним метров... Да, да! вы не шутите... Ах, как она любит этот город за кипучую жизнь набережной, и судов, и гавани... А вот, погодите, выкоплют Панамский канал – тогда что будет!.. Возродится былое величие Перу... Перу затмит Сантьяго... О Чили и говорить-то нечего: это будет отплата за поражение 1878 года. Тогда держись и Сан-Франциско...

Раймонд с изумлением слушал, как она называла цифры, точно инженер-строитель, вычисляла барыши, точно подрядчик. Вот умная головка!.. Но это-то ему и нравилось – он терпеть не мог пустых, ни на чем не основанных фантазий, как у дядюшки, который способен был выдумать собственную всемирную историю, строя ее на каких-то химерических гипотезах.

– Все это было бы чудесно, – прибавила она, нахмутив брови, – не делай люди глупостей. Но они снова начинают глупить.

– В каком смысле?

– Да революцию устраивают.

Они вышли на набережную и ждали, когда пароход подойдет к берегу.

– А! И у вас здесь тоже? Мы проездом уже видели одну революцию в Венесуэле и другую в Гуаякиле. Город был объявлен на осадном положении. Уж не знаю, какой генерал им командовал, но только он хотел идти на Кито, где было осаждено законное правительство.

– Да, здесь это, как эпидемия – вдоль всей цепи Анд. И в Боливии тоже беспокойно. И с озера Титикака вести тревожные.

Раймонд сразу заинтересовался.

– Однако, это может помешать мне в задуманном предприятии...

– Да. Я просто не хотела говорить вам сразу... думала отложить на завтра... сегодня ничто не должно нарушать нашей радости... но и окрестности Куско в руках сторонников Гарсии.

– Кто это – Гарсия?

– Он когда-то был влюблен в меня.

– Здесь, кажется, все в вас влюблены, дорогая.

– Если б вы знали, как они мне все надоели!.. Вы понимаете, ведь я приехала из Парижа... На моем первом балу на меня так и сыпались объяснения в любви... Они здесь нестерпимы... Настоящие дети... В особенности этот Гарсия, который поднял всех индейцев вокруг Арекипы и Куско... Он хочет сесть на место нашего президента... Но Вентимилья не так-то легко поддается.

– Что же – против него высланы войска?

– Да, целых два отряда... Но они, разумеется, не станут драться.

– Чего же они ждут?

– Большого праздника *Интерайми*.

– Что это за праздник?

– Праздник солнца – у кечуа... Ах, эти индейцы – ужасный народ! Надо вам знать, что три четверти войск – и правительственных, и революционных – состоят из туземцев... Ну, вот они и ждут праздника, чтобы напиться вместе... В конце концов, Гарсии придется удирать в Боливию, но пока гуано, по крайней мере на три месяца, упадет в цене... А это путает все мои расчеты...

Она обернулась к дядюшке, который махал ей с палубы своей записной книжкой, словно носовым платком. Пароход причалил; выкинули сходни. Они поднялись на борт, и Мария-

Тереза с радостью расцеловала доброго старика, так удачно выдумавшего приехать в Перу. И, подобно племяннику, дядюшка первым делом спросил ее:

– Ну что? Как дела с гуано?

Прекрасные туземки

В семье Озу Марию-Терезу привыкли видеть такой молоденькой, веселой, такой «девочкой», что до сих пор не могли опомниться от ее внезапного решения вернуться в Перу и, заменив умершую мать, принять на себя заведование одной из крупнейших концессий на поставку естественного удобрения – гуано, которое производят тихоокеанские острова.

Но, когда пришло известие о смерти матери, Мария—Тереза не могла не вспомнить, что там, на родине, у нее брат и сестренка, Кристоаль и Изабелла, а отец ее – сам как ребенок и, будучи истым вельможей, умеет только тратить во время наездов в Париж все, что сумела нажить ее мать.

Эта последняя, дочь судостроителя из Бордо, вышла замуж за пленительного маркиза Кристоаля де ла Торреса, состоявшего при перувианском посольстве, как раз в тот момент, когда вельможа этот весьма нуждался в золоте, чтобы позолотить свой герб. Знакомство состоялось на морских купаньях в Понтальяке. А на следующую зиму маркиза переселилась в Перу, привезя с собой, помимо приданого, незаурядный, трезвый ум, большие коммерческие дарования и предприимчивость, – заставившую ее, к большому огорчению мужа, взяться за добычу гуано, в то время как другие разорялись, добывая золото (в Перу его, может быть, больше, чем где бы то ни было, но в стране тогда не было ни путей, ни дорог). Маркиз убедился, что может теперь с легким сердцем черпать полными пригоршнями из кассы, которая беспрестанно пополнялась, и простил жене это неожиданное богатство; а когда жена умерла, он не особенно удивился, найдя в дочери маркизы те же полезные добродетели, какими отличалась мать. Он предоставил дочери полную свободу и был очень благодарен ей за то, что она взяла на себя все серьезные дела.

– А где же мой добрый Кристоаль? – спрашивал дядюшка, зорко следя за выгрузкой своего багажа.

– Он ждал вас только завтра. В географическом обществе, господин Озу, вам готовят торжественный прием.

Оставив на вокзале на сохранение свой чемодан, Франсуа-Гаспар согласился, наконец, сесть в автомобиль, и Мария-Тереза со всей возможной скоростью помчалась в Лиму. Она хотела добраться домой засветло, а в странах Южной Америки сумерки наступают внезапно.

Миновав скопище домиков из *алоба* – обожженных на солнце кирпичей – и несколько красивых дач, они поехали вдоль длинной топи, поросшей камышом и диким терном и местами прорезанной банановыми и тамариндовыми рощицами, посадками эвкалипта и сосен-араукарий. Все кругом было выжжено солнцем, засухой, не освежаемой ни единой каплей дождя; окрестности Лимы и Кальяо выглядели довольно непривлекательно. Подальше виднелись хижины из бамбука и глины, смешанной с соломой.

Эта выжженная солнцем местность казалась бы совсем унылой, если б не попадавшееся время от времени *гациенды* – фермы, окруженные оазисами зелени, плантаций сахарного тростника, маиса и риса. По насыпным глинистым дорожкам, выходившим на главную дорогу, тянулись обозы, конные пастухи гнали стада быков с пастбищ на фермы, и это оживление составляло неожиданный контраст с окружающим бесплодием. Дорога была тряская, но, несмотря на толчки, дядюшка Франсуа-Гаспар все время что-то отмечал в своей записной книжке... Но вот вдаль показались первые отроги цепи Анд; вот и купола, и башни колоколен Лимы, придающие ей вид мусульманского города.

Они ехали теперь вдоль Римака – небольшой речушки, скорей ручья, по которому брели, сгибаясь в три погибели, негры-ловцы раков. Они тащили за собой большие мешки, привязанные к поясу и погруженные в воду для того, чтобы сохранить пойманных раков живыми. Рай-

монд обрадовался: он очень любил раков. Признаваясь в этой маленькой слабости своей спутнице, он был поражен озабоченностью, выразившейся на ее лице, и осведомился о причине.

– Странно, очень странно, – ответила она, – нигде ни одного индейца.

Они уже въезжали в знаменитый *Сьюдад де лос Рейес*, «город царей», основанный Конквистадором. Мария-Тереза, любившая Лиму за ее оригинальность, захотела похвастаться ею своему гостю и направила автомобиль в русло Римака, рискуя изорвать шины об острые камешки, заготовленные для мощения берега. И минуту спустя они очутились в живописнейшем уголке. Дома здесь почти исчезали под наружными галереями, прикрепленными к стенам. Эти галереи походили на резные, затейливые ящички, изукрашенные решетками и арабесками, на маленькие подвесные комнатки, кокетливые и таинственные, напоминающие турецкие *мушарабие* – с той разницей, что из рамок этих галерей выглядывали прехорошенькие мордочки, очаровательные личики, и не думавшие прятаться. Обитательницы Лимы славились своей красотой и кокетством. В этих кварталах они не выходят на улицу иначе, как закутанные в *манту* – большую черную шаль, которой драпируют голову и плечи; только южно-американки умеют так красиво драпировать ее. Подобно *гаюку* – фате мавров, манта закрывает все лицо, позволяя видеть лишь большие черные глаза. Но порой вуаль распаивалась и Раймонд мог мельком полюбоваться изящной правильностью линий и матовым цветом лица, ставшего еще белее от пребывания в постоянном полумраке. Молодой человек не скрывал своего восхищения, и Мария-Тереза побранила его:

– Нет, они здесь, в этих мантах, положительно слишком красивы! Я лучше покажу вам европейнок...

Она повернула руль, и скоро они очутились в новых, европейских кварталах, с широкими улицами, с просветами, откуда открывались дивные виды на окрестности и близкие Анды. Медленно проехали они через Паско Аманкес, где Марии-Терезе на каждом шагу приходилось отвечать на поклоны. Это были уже аристократические кварталы. Здесь женщина «из общества» уже не позволит себе выйти на улицу в скромной манте и заменяет черную вуаль парижским туалетом. Это был час прогулки, час отдыха за мороженым и болтовней о любви, тряпках и политике. Когда они въехали на главную площадь – *плаза Майор*, на небе уже загорались звезды. На площади была такая толпа, что ехать можно было только шагом. В колясках полулежали женщины, разряженные, как на бал, без шляп, с цветами в волосах. Молодежь, гурьбой стоявшая возле фонтана в центре площади, разглядывала их, посылая им улыбки и поклоны...

– Удивительно странно! Ни одного индейца, – прошептала Мария-Тереза.

– Разве они бывают и в этих кварталах?

– Среди них много любителей посмотреть на гулянье на плаза Майор.

Напротив кафе стояла и разглагольствовала о политике маленькая группа метисов. Слышались имена Гарсии и Вентимильи, президента республики, сопровождаемые более или менее лестными эпитетами. Крупный коммерсант, вздыхая, выражал опасение, как бы снова не началась эра *пронунциаменто*¹⁰.

Автомобиль обогнул собор и свернул в довольно узенькую улицу. Видя, что путь свободен, Мария-Тереза прибавила скорость, но неожиданно мотор остановился – так внезапно, что сидевшие в нем едва не вылетели на мостовую. Мария-Тереза чуть не раздавила человека, стоявшего посередине улицы и гордо задрапированного в яркий пончо. И она, и Раймонд сразу узнали индейца.

– Гуаскар! – гневно воскликнула она.

– Гуаскар просит вас не ездить по этой дороге, сеньорита.

– Дорога принадлежит всем одинаково, Гуаскар! Уйди с дороги.

– Гуаскару нечего больше сказать сеньорите. Можете переехать через меня.

¹⁰ Военный заговор

Раймонд хотел вступиться, но девушка жестом остановила его.

– Послушай, Гуаскар, твое поведение очень странно. Можешь ты объяснить мне, почему во всем городе не видать ни одного индейца?

– Братья Гуаскара делают, что им угодно. Они – свободные люди.

Она пожала плечами, подумала немного и, уступая просьбам Гуаскара, стала сворачивать в другую улицу. Но прежде, чем повернуть, обернулась и задумчиво спросила индейца, который не двигался с места:

– Ты по-прежнему друг мне, Гуаскар?

Услышав эти слова, индеец медленно снял шляпу и поднял глаза к первым звездам, как бы призывая небо в свидетели, что у Марии-Терезы нет на земле более преданного друга. Это было его единственным ответом. Молодая девушка коротко бросила ему: *Adiós!*¹¹ и автомобиль тронулся.

Он остановился перед роскошным зданием. Швейцар бросился навстречу молодой хозяйке. Но кто-то оказался проворней его – то был маркиз Кристоаль де ла Торрес, только что подъехавший в открытом экипаже. Он страшно обрадовался гостям, которых ждал не раньше завтрашнего дня, приветствовал дядюшку витиеватой речью и, указывая на входную дверь, учтиво пригласил:

– *Apease, señor, y descanse, aquí esta usted en su casa!* (Входите, сеньор, и располагайтесь на отдых – вы здесь у себя дома).

Маркиз был небольшой человек, одетый, как юноша, необыкновенно изысканно, и в ботинках на высоких каблуках, прибавлявших ему роста. Он был оживлен, подвижен, весь сверкал. Он минуты не мог усидеть на месте, а когда он двигался, все блестело в нем, на нем и вокруг него: глаза, яркий галстук, бриллиантовые булавки и перстни, и от этого все, казалось, сверкало кругом. Эта странная суетливость не мешала ему держаться с достоинством и оставаться вельможей даже в такие моменты, когда другие, пытаясь сохранить достоинство, напускают на себя строгость и невозмутимость. После клуба и географии он больше всего любил шалить со своим семилетним сыном Кристоалем. В такие минуты оба казались школьниками и наполняли дом шумом и криками, между тем как маленькая Изабелла, по шестому году, любила чинность и выговаривала им за баловство с надменной строгостью инфанты¹².

Жилище маркиза также было особенное – полусовременное, полуисторическое. В нем были уголки совсем старинные, интересные и неожиданные: изъеденные червями дубовые панели, обветшалые лестницы, старинные балконы, мебель чуть ли не эпохи завоевания Перу, выцветшие ковры, всякий хлам, благоговейно подобранный маркизом в разных городах, где жили его предки; и о каждой такой реликвии он рассказывал особый анекдот, который гость из любезности вежливо выслушивал. В одном из таких исторических уголков дядя и племянник были представлены двум старушкам, словно сошедшим с картины Веласкеса. Тетушка Агнесса и ее старая дуэнья Ирена были одеты по какой-то древней, давно забытой моде. Казалось, их привезли в дом вместе с прочими редкостями. Большую часть времени они проводили, рассказывая друг другу страшные сказки. Каждый вечер после обеда в этом уголке воскресали все перувианские легенды, которые оба Кристоаля, отец и сын, слушали, замирая от жути, между тем как Мария-Тереза на другом конце комнаты при свете лампы писала письма и подводила итоги рабочего дня.

Франсуа-Гаспар от души обрадовался, увидав эти два живых обломка Новой Испании, притом в обстановке, которая и так, сама по себе, возбуждала его кипучую фантазию. Он сразу подружился с обеими старушками, наскоро переодевшись, вернулся к ним и за обедом уселся между ними. Они уже начали было рассказывать свои обычные истории, когда Мария-Тереза

¹¹ Прощай!

¹² Испанская наследная принцесса

перебила их: она сочла своим долгом сообщить отцу о более важном – о столкновении между индейцами и китайцами. Узнав, что Мария-Тереза прогнала индейцев, тетушка Агнесса насупилась, а Ирена всполошилась, доказывая, что молодая девушка поступила крайне неблагоприятно, – да еще накануне праздника Интерайми. Маркиз был того же мнения. Узнав, что с индейцами ушел и Гуаскар, он даже рассердился. Гуаскар – старый преданный слуга. Что такое могло произойти, что побудило его оставить место? Мария-Тереза вкратце объяснила, что она в последнее время вообще была недовольна манерой Гуаскара держаться и дала ему это понять. Маркиз несколько успокоился.

– Тогда другое дело. А все-таки я не совсем спокоен... Индейцы как-то отрешились от своего обычного равнодушия... Атмосфера вокруг напряженная... Давеча на плаза Майор я слышал странные речи между метисами и вождями кечуа.

Приближение праздника Солнца

– Почему это, – осведомился Раймонд, – мы от самого Кальяо не встретили ни одного индейца, и здесь, в городе, тоже?

– Да все потому же, сударь, – сказала старая Агнесса. – Потому что праздник близко. У них идут тайные собрания в горах или просто в норах, известных им одним; тут есть даже настоящие катакомбы, в каких прятались первые христиане. Достаточно приказа, полученного Бог весть из какого ущелья в Андах, чтобы они все разом исчезли, а потом вдруг опять нахлынули, как саранча.

– Моя сестра преувеличивает, – улыбаясь, прервал маркиз, – и, между нами, индейцы не слишком-то опасны.

– Но ведь и ты не совсем спокоен, Кристобаль. Ты же сам сказал.

– О, я считаю, что они вполне способны на какую-нибудь неожиданную манифестацию.

– Разве они когда-либо бунтуют? – спросил Раймонд. – Мне они показались до того отупевшими...

– Не все... да, несколько восстаний было, но не особенно серьезных.

– А много их?

– Две трети населения. Но они так же мало способны к серьезному восстанию, как к труду. Это Гарсия взволновал их своей авантюрой. Они слишком долго жили безмятежно. А что говорит президент? – обратилась молодая девушка к отцу.

– Президент не особенно тревожится. По-видимому, такое брожение среди индейцев повторяется каждые десять лет.

– Почему каждые десять лет? – заинтересовался дядюшка Гаспар, уже вытащивший свою записную книжку.

– Потому что каждые десять лет индейцы-кечуа с особой торжественностью отмечают праздник Солнца, – объяснила древняя Ирена.

– Где же они его празднуют и как? – спросил Раймонд.

– В точности этого никто не знает, – начала тетушка Агнесса, понижая голос и словно собираясь доверить своим слушателям большую тайну. – Видимо, на этом празднике совершают жертвоприношения... тела жертв сжигают, а пепел бросают в ручьи, которые в своем течении уносят все грехи народа.

– Великолепно! – вскричал Франсуа-Гаспар. – Как бы мне хотелось присутствовать на этом празднике.

– Молчите, сударь, – простонала тетушка. – На этом празднике приносят человеческие жертвы.

– Человеческие жертвы?!!

– Ну, тетя уж нарасказывает, только слушай ее, – засмеялась Мария-Тереза.

– А почему же не слушать? Почему не верить? – возмутился дядюшка. – Всем известно, что инки приносили такие жертвы Солнцу; а мои исследования, труды Прескотта и все, что написано о Перу, подтвердят вам, что индейцы-кечуа, сохранившие прежний свой язык, сохранили и прежние верования и обычаи.

– Но ведь они все приняли католичество после того, как были завоеваны испанцами, – возразил Раймонд.

– Ну, этим-то они несколько не стесняются, – сказал маркиз. – Просто у них теперь две религии вместо одной, и они путают обряды с поразительной наивностью.

– Но чего же они добиваются? Вернуть владычество инков?

– Разве они знают, чего хотят? – вмешалась Мария-Тереза. – До того, как сюда пришли испанцы, под владычеством инков все они, мужчины, женщины и дети, вынуждены были рабо-

тать каждый по мере сил и способностей. Сыны Солнца держали их в железных рукавицах. Теперь, когда никто не стремится их поработить, индейцы пользуются своей свободой исключительно для того, чтобы проводить время в праздности. Отсюда и нищета, и материальная зависимость, которая заставляет их вздыхать о прежних временах и желать возвращения царства сынов Манко Капаки; так, по крайней мере, объяснял мне Гуаскар... Я могла только ответить, что это не принесло бы счастья его братьям, так как они утратили привычку к труду. Лично я очень довольна, что избавилась от банды Гуаскара... Это стоило мне одного китайца – я нахожу, что это не слишком дорого.

– А это правда, что они и теперь приносят человеческие жертвы? – спросил Раймонд.

– Да нет же, что за вздор! – засмеялась девушка.

Но тетушка Агнесса и старая Ирена запротестовали:

– Она не знает... Она воспитывалась в Париже... Откуда же ей знать? Дорогой месье Озу, вы нас послушайте... Тут ничего нет смешного – напрасно ты смеешься, Мария—Тереза... Мы безусловно уверены – слышите: *безусловно* уверены, – Бог мой, доказательств сколько угодно, – что каждые десять лет (у инков это считалось большой мерой времени)... каждые десять лет кечуа избирают невесту Солнца и приносят ее в жертву.

– То есть как невесту? – задыхаясь от любопытства, допытывался дядюшка.

– Да так... В своих старинных, уцелевших с древних времен храмах, куда не ступала еще нога европейца, они приносят в жертву Солнцу молодую женщину... Это ужасно, но это правда.

– Молодую женщину... в жертву... Убивают ее?

– Ну да, убивают... Убивают в честь Солнца.

– Как же они ее убивают? На костре сжигают?

– Нет, нет... Гораздо ужаснее... Да, да, месье Озу, много ужаснее. Костер – это что...

На празднике Интерайми они берут девушку из вражеского племени, самую красивую, какую только могут найти, и самого благородного происхождения – и приносят ее в жертву, в супруги Солнцу, замуровывая ее живой в храме своего бога. Да, да, дорогой месье Озу, я вам правду говорю.

Мария-Тереза покатила со смеху при виде растерянного лица дядюшки. Он бросил ей обиженный взгляд ребенка, которому мешают насладиться вдоволь, и вступился за старушек. Все, что они рассказывают, вполне согласуется с тем, что известно из истории о «девах Солнца» – и дядюшка поспешил выложить все свои познания. Человеческие жертвы, заявил он, всегда были в чести у инков. Иногда они приносились богу Света, иной раз – самому царю, а порой бывали добровольными, как, например, на похоронах царей, когда кровь текла обильней слез. Осиротевшие жены почившего инки одна раньше другой спешили принести себя в жертву.

– Прескотт, вместе с Винером написавший лучшую книгу об империи инков и о завоевании Перу испанцами, – продолжал дядюшка, – Прескотт утверждает, опираясь на свидетельства, вполне достойные доверия, что на могиле монарха приносились таким манером в жертву более тысячи жен, слуг и служанок. И законные жены подавали пример, сами налагая на себя руки...

– Ах, безумные!.. Ах, сумасшедшие! – ужасалась тетушка Агнесса, молитвенно складывая руки.

Старая Ирена перекрестилась и начала шептать молитву.

– Все это верно, дорогой друг, – вмешался маркиз, – и изыскания нашего географического и археологического обществ, я вижу, не скажут вам ничего нового. Тем лучше, тем удобнее будет работать вместе с вами. Если хотите, завтра же, после торжественной встречи, я повезу вас на место предпринятых мною раскопок, и вы лично убедитесь, что инку в самом

деле хоронили вместе с драгоценной утварью и женами, которые обязаны были следовать за царем в волшебные жилища Солнца.

– А что такое, собственно, «дева Солнца»?

– «Девы Солнца», – с детской радостью начал объяснять Франсуа-Гаспар, – или «избранницы», как их называли, были молодые девушки, посвященные служению божеству. Их с ранних лет отбирали у родителей и помещали в монастыри под надзор почтенных матрон – *мамаконас*, состарившихся в стенах этих монастырей. Избранницы учились рукодельям, тканью, вышиванию. Из яркой, мягкой шерсти они ткали ковры для украшения храмов и дворцов инки, а также материи для его одежд.

– Ну, это не главное, – возразила старая Ирена. – Главная их обязанность заключалась в том, чтобы поддерживать священный огонь, который зажигался на празднике *Райми*.

– Да, да, я знаю, – поспешил согласиться академик. – Они жили уединенно, не имея никаких сношений с внешним миром, даже с родными и друзьями. Только *Инка* – царь и *Койя*, царица – имели право входить в священную ограду. За нравственностью девушек тщательно следили *мамаконас*; ежегодно посылали особых ревизоров осматривать монастыри и доносить о том, крепка ли в них дисциплина.

– И горе бедняжке, которую поймали бы за любовной интригой! – вскричала тетушка Агнесса. – Суровый закон инков предписывал зарыть ее живьем в землю, а город или селение, из которого она была родом, стереть с лица земли и засыпать камнями, чтобы уничтожить и само воспоминание о ней.

– Совершенно верно, – поддержал дядюшка.

– Милая страна! – сказал Раймонд.

– Что же, это доказывает только, что она была очень цивилизована – даже в религиозных обрядах мы находим следы обычаев древнего Рима. Христофор Колумб, высаживаясь на берег, где его встретили только грубо вооруженные дикари, и не подозревал, что неподалеку от этих первобытных племен – целый мир со своими особыми законами, памятниками, историей, два народа: ацтеки в Мексике, инки – в Перу, которые в те времена смело могли соперничать с западной цивилизацией. Это все равно, как если б кто-нибудь из восточных владык вообразил, что открыл древний свет, увидав степи, где кочевали скифы. Он мог бы так и вернуться в свои владения, не догадываясь, что за этой пустыней – целая Римская империя.

– По крайней мере, он не разгромил бы его, как ваши Писарро и Кортесы... – начал было Раймонд и запнулся на полуслове, вспомнив, что предки маркиза были в числе спутников завоевателя. Мария-Тереза под столом наступила ему на ногу в виде предупреждения, но маркиз, к счастью, не расслышал. Тетушки услышали и были поражены таким легкомысленным и «некатолическим» суждением о покорении язычников представителями истинной веры; но Мария-Тереза поспешила перевести разговор с этой опасной почвы на местные легенды.

– Все это прекрасно, – сказала она, – но это вовсе не доказывает, что человеческие жертвоприношения существуют в наше время.

– Ах, несчастное дитя! Ты одна способна усомниться в этом.

Тетушка Агнесса укоризненно покачала головой:

– Да у меня самой в молодости была служанка из племени кечуа, с берегов озера Титикака, которая своими глазами видела трижды, как на празднике *Интерайми* замуровывали живыми в стену трех молоденьких девушек из города.

– Из какого города?

– Из Лимы.

– Ну, полноте, об этом знали бы, – подтрунивал Раймонд, подстрекаемый насмешливыми взглядами своей невесты.

– Об этом и знают все, кому охота знать... Имена последних двух жертв общеизвестны – одну из них замуровали живьем двадцать лет, другую – десять лет тому назад.

- Знаем! Знаем! – засмеялся маркиз.
- Тут нечему смеяться, – рассердилась тетушка.
- А старая Ирена тихо повторила:
- Нет, нет. Тут нечему смеяться...
- Но маркиз расшалился.
- Ну что ж, оплачем их, как подобает, – рыдающим голосом простонал он. – Бедные девочки, вырванные во цвете лет из объятий родителей...
- А не можете ли вы объяснить нам, братец, каким образом исчезли без следа Амелия де Варгас и Мария-Кристина д'Орельяна?
- Да, да. Пускай он скажет, – подхватила Ирена.
- Ага! Я так и знал, что вы назовете эти имена.
- Я прошу вас быть серьезным, братец. Вы знали Амелию де Варгас.
- Прелестная девушка... Что за улыбка... Красивей не было на плаза Майор... Тому уже двадцать лет... Как время – то бежит!.. Да, да, она исчезла без следа двадцать лет тому назад... с одним из своих кузенов.
- Намедни мне говорили, что это было с тореадором, – прервала Мария-Тереза. – По-видимому, об этом вспоминают каждый раз перед праздником Интерайми...
- В свое время эта история наделала шума, взволновала весь город... На плаза дес Торос произошло какое-то замешательство... поднялась суета... в давке молодая девушка исчезла... и больше уж не появлялась... Многие видели, как ее уносили индейцы, и отлично знают, что она была замурована заживо...
- Полет воображения! Я правду говорю: она бежала со своим кузеном, он скрылся вместе с нею... Где они поселились – неизвестно.
- Это вы так думаете, братец... А Мария-Кристина?
- Да, эта история была печальнее... Она гуляла со своим отцом в окрестностях Куско, вошла в подземелье и, очевидно, заблудилась. Что может быть естественнее? После этого правительство отдало приказ забить все входы в подземелья¹³.
- Да, – перебила тетушка, – а отец ее после этого сошел с ума. Он до сих пор бродит в окрестностях Куско, вокруг подземелий, и зовет дочь – вот уже десять лет. Вы попробуйте его убедить, что дочь его не была похищена индейцами для принесения в жертву на празднике Интерайми.
- Но вы же сами говорите, что он сошел с ума.
- От уверенности, что дочь его погибла такой ужасной смертью. За несколько дней до своего исчезновения Мария—Кристина получила странный подарок – старинный, тяжелый золотой браслет с изображением солнечного диска.
- Милая Агнесса, вы отлично знаете, что наши ювелиры изображают солнце под всеми соусами.
- Да, но этот браслет был настоящий – тот самый, который был прислан и Амелии.
- Ах, сестрица, все-то вы выдумываете... Бог знает, что такое вы изобретаете... Вот и пиши историю с такими рассказнями!.. Пожалуйста, не записывайте этого, дорогой профессор, прошу вас.
- Я ничего не выдумываю, – обиделась тетушка. – Это был настоящий *браслет Золотого Солнца*, настоящий *жертвенный* браслет. Каждые десять лет, со дня смерти последнего царя

¹³ Вот что пишет Поль Валле в своем «Перу»: «Инки были люди практичные и не любили, чтобы за ними подсматривали, даже когда они просто собирались для бесед или игр. Для того, чтобы не быть захваченными врасплох, они построили близ города Родадеро подземелье, имевшее несколько выходов: один ход вел к укрепленному холму; другой – ко входу в Куско; третий, самый длинный, – через весь город, к тому месту, где теперь находится церковь Сан-Доминго, построенная над бывшим храмом Солнца. Эти интересные подземелья могли бы быть чудеснейшим предметом исследования для туристов, но правительство приказало забить в них входы под тем предлогом, что в них заблудились несколько человек»

из дома Инков, Атагуальпы, сожженного заживо Писарро, жрецы инков посылают этот браслет девушке, которую они избрали в невесты Солнцу с тем, чтобы замуровать ее живой... Бедняжка Орельяна всем рассказывала о своем чудном браслете... Весь город говорил об этом.

– Да, да, сестрица, мы знаем, как у всех здесь в городе разыгрывается фантазия перед праздником Интерайми. – И, нагнувшись к Франсуа-Гаспару, маркиз прибавил:

– Вы не можете себе представить, с каким трудом нам, членам Географического и археологического общества, приходится развенчивать все эти легенды... Вы истинный ученый...

– Ученые не должны презирать легенды, – возразил академик. – Я лично страшно рад, что попал в страну, где еще живы легенды.

В эту минуту вошел лакей и подал Марии-Терезе какой – то ящичек и книгу.

– Заказная посылка... Почтальон один раз уже приходил, но барышни не было дома. Я велел ему зайти вечером. Распишитесь, барышня.

Мария-Тереза расписалась в получении.

– Позвольте! – воскликнула она. – Да это из Каямарки... Я никого не знаю в Каямарке... Что бы это могло быть?.. Вы позволите, господа?

Она сняла веревки, распечатала и вскрыла ящичек.

– Браслет! – Она немного нервно рассмеялась. – Вот так совпадение!.. Да ведь это *браслет Золотого Солнца*... Даю вам слово... браслет, который посылается невесте Солнца.

Все вскочили с мест, кроме двух старушек, обессилевших от ужаса. И все взгляды сосредоточились на тяжелом золотом браслете, потемневшем от времени, с солнечным диском, лучи которого словно погасли под слоем веками копившейся пыли.

– Однако!.. Шутка недурна, – смеялась девушка.

– Очень даже недурна! – вскричал маркиз несколько изменившимся голосом. – Это, очевидно, месть – впрочем, красивая и очень изящная – нашего Алонсо де Куэльяра, которому ты отказала на днях в своей руке. Недаром он сказал мне с обычной грустной и милой улыбкой: «Я отомщу деве Солнца»... Ты ведь знаешь, у нас в клубе все зовут тебя «девой Солнца» за то, что ты отрешиваешься от замужества... Да что вы все так испугались?

Он повернулся к двум старушкам.

– Что это? Неужто вы способны расхвораться из-за простого фарса?

Мария-Тереза, любуясь браслетом, показывала его дяде и племяннику.

– Папа, скажите дону Алонзо, что я принимаю его подарок и буду носить его в знак нашей дружбы... Браслет, действительно, очень красив... Теперь таких не делают... Как вы находите, господин Озу?

– Я... я готов поклясться, что этому браслету, по крайней мере, лет четыреста-пятьсот.

– Подобные сокровища еще находят на раскопках царских могил, но и там они редки... Я не удивляюсь, что дону Алонзо пришлось съездить в Каямарку, чтобы раздобыть этот, – сказал маркиз.

– Где это – Каямарка? – поинтересовался Раймонд.

– Юный невежда... – отозвался дядюшка. – Знай, что Каямарка – это древняя Кахамарка инков, вторая столица их империи во времена Писарро.

– И, вместе с тем, город, где их последний царь был сожжен заживо, – умирающим голосом выговорила тетушка Агнесса.

И упала в обморок. Тетушку унесли в ее спальню. Старая Ирена шла за нею, бледней своего кружева у воротника, и все время большим пальцем крестила себе лоб.

Кто подарил браслет?

На другой день после приезда академика Франсуа-Гаспара Озу ему устроили торжественную встречу в географическом обществе, посвятившем себя изучению и исследованию Перу. С обеих сторон были произнесены хвалебные, торжественные речи. Больше всех радовался и гордился маркиз Кристобаль, чувствовавший и себя озаренным отблеском славы своего друга. У выхода из залы торжественного заседания, на котором, само собой, присутствовали также Раймонд и Мария-Тереза – надевшая таинственный браслет, несмотря на мольбы и слезы двух старых теток – маркиз встретил дону Алонсо де Куэльяра, красивого и симпатичного юношу.

– Мой друг, а я думал, вы еще не вернулись из Каямарки.

Дон Алонсо широко раскрыл глаза, видимо, не понимая.

– Послушайте. Куэльяр, не притворяйтесь удивленным. Я не сержусь. Вы очень мило отомстили моей дочери за ее отказ.

– Я?

– Ну да. А браслет?

– Какой браслет?

Тем временем к маркизу подошли Мария-Тереза с Раймондом. Молодая девушка, видя, что отец ее, смеясь, разговаривает с доном Алонсо, не сомневалась, что тайна браслета уже разъяснилась.

– Спасибо, друг... – сказала она, протягивая дону Алонсо руку, на которой блестел тяжелый браслет. – Вы видите, я ношу его, как залог нашей дружбы.

– Но я не решился бы позволить себе... – смущенно запротестовал молодой человек, глядя по очереди то на маркиза, то на девушку и на Раймонда.

– Вы серьезно говорите?.. Это не вы?

– Клянусь вам... Но что же это значит?.. Что за странный браслет!

– Вы не узнаете его?.. По-видимому, это браслет Золотого Солнца, который индейские жрецы посылают невесте Солнца перед праздником Интерайми, – шаловливо улыбаясь, объяснила Мария-Тереза. Ей все не верилось, что браслет был прислан не этим обиженным претендентом на ее руку... – И, так как именно вы пустили в ход мое теперешнее прозвище, мы и подумали, что это вы прислали подарок невесте Солнца...

– К сожалению, мне это не пришло в голову, – вздохнул дон Алонсо. – В самом деле, очень мило и удачно придумано. Я никогда не прошу себе, что это не мне пришла в голову такая замечательная мысль. По всей вероятности, ее предвосхитил кто-нибудь из моих друзей, которые – увы! – не были счастливее меня, сеньорита... Кстати, вон идет Педро Рибейра, мрачный и унылый. Честное слово, у него такой вид, как будто это дело его рук.

Он окликнул приятеля, но и Рибейра не сразу понял, о чем его спрашивают. И он восхищался странным украшением и сожалел, что его прислал кто-то другой.

Маркиза это начинало раздражать, и теперь он уже жалел, что заговорил с этими господами. Нельзя же было попросить их не рассказывать о странном подарке, не выставляя себя в смешном виде, и он знал, что через два часа весь город будет говорить о таинственном браслете, поднесенном «деве Солнца». Мария-Тереза отлично понимала, что творится в душе отца.

– Послушай, папа, история с этим браслетом становится нелепой. В ожидании, пока объявится тот, кто устроил мне этот маленький сюрприз, я лучше сниму его... и не будем больше говорить об этом.

Она грациозным жестом сняла браслет и спрятала его в свою сумочку.

– У меня есть одно предположение, – сказал Раймонд. – Что, если это Гуаскар?

– Гуаскар? Почему вы думаете – Гуаскар?

– Да просто потому, что украшение это индейское, а я никакого другого индейца не знаю... Может быть, он нашел браслет и, не придумав, что с ним делать, подарил его вашей дочери, так как он очень предан вашей семье...

– Ну, будет об этом, – слегка краснея, сказала Мария—Тереза. – Гуаскар ли это, или кто другой – не все ли равно?.. К чему такое нетерпение?.. Быть может, завтра или послезавтра к нам приедет кто-нибудь из папиных друзей из Сьерры и, целуя мне руку, скажет: «А что же вы не носите мой подарок?»

– Разумеется, рано или поздно это должно разъясниться, – с напускным спокойствием сказал Раймонд.

Маркиз, сам несколько взволнованный, нашел это спокойствие неестественным и вдруг обрадовался:

– Держу пари, что это вы.

– Что... я?.. Да я же только что приехал... Как же я мог?..

– Как? Вы могли купить этот браслет в Гуаякиле и послать его французскому агенту в Каямарке с тем, чтобы он переслал его сюда. Ну да, конечно... это должно было известить нас о вашем прибытии. Вы прочитали легенду о «деве Солнца» и о солнечном браслете в одной из книг вашего дядюшки.

– Папа!.. Папа!.. Господин Озу серьезный человек, инженер, приехавший в Перу, чтобы попытаться осушить золотые россыпи в Куско с помощью изобретенного им нового сифона...

– Да, да, ты об этом уже говорила... Это не помешало ему прислать браслет...

– Но, папа, по какому же праву?

– По праву жениха, дочь моя.

На этот раз Мария-Тереза покраснела до ушей, а Раймонд закашлялся, как-то глупо улыбаясь. Маркиз лукаво и упорно смотрел на обоих.

– Ну-ка, посмейте сказать, что это неправда... Ты думаешь, я ни о чем не догадываюсь? За дурака меня считаешь? А я давно знаю, что ты оставила свое сердце там, в Париже, и только для того, чтобы проверить это, направляя к тебе столько женихов. Ах, господин Озу, вас можно поздравить: она вас очень любит – это испытанная любовь...

– Сударь... – бормотал Раймонд со слезами на глазах. – Маркиз, уверяю вас, никогда... никогда... я не думал... не мог думать...

– Молчите. И наденьте сами ваш обручальный браслет на руку невесты.

– С какой радостью я теперь буду носить его! – молвила молодая девушка и, оглянувшись, нет ли поблизости посторонних, кинулась отцу на шею – точнее, привлекла отца к себе, нежно обняла, расцеловала и раскрыла свою сумочку перед Раймондом, торопливо шепча ему на ухо:

– Скажите же, что это вы его прислали. Ну, что вам стоит?

Раймонд трепетной рукой надел браслет на руку молодой девушки. В ушах у него так звенело, что он даже не слышал ликующих речей маркиза по поводу собственной проницательности, проникшей в тайну и влюбленных, и *браслета Золотого Солнца*... Он только кивал головой, подтверждая все, что говорил его будущий тесть.

– Да уж, – закончил тот, – вы можете похвастаться, что провели нас. – И маркиз побежал разыскивать дядюшку, чтобы поделиться с ним радостной новостью.

Игра в келли черепами

На несколько секунд жених и невеста остались одни; но не успели они обменяться нежным взглядом, как их увлек за собой живой поток участников заседания, хлынувший к выходу.

– Но что же скажет ваш батюшка, когда объявится тот, кто на самом деле прислал браслет? – волновался Раймонд.

– Ничего не скажет... простит. Я ведь заставила вас солгать лишь для того, чтоб успокоить его... потому что, между нами, сказки тетушек все-таки немного тревожат его... он же как малое дитя, мой папочка. Мы будем очень его любить – не правда ли?

У подъезда уже ждали казенные кареты и частные экипажи, которые должны были отвезти именитого гостя и членов общества на раскопки в окрестностях города; затем предполагалось съездить по железной дороге в Анкуф на большие раскопки. Маркиз уселся напротив академика; оба сияли. Условлено было, что вечером они пообедают и проведут ночь на вилле маркиза, лежащей на берегу моря между Лимой и Анконой, чтобы дядюшка со следующего же утра мог заняться научными исследованиями – это летнее жилище маркиза, заваленное, как музей, выкопанными из земли сокровищами, расположено было в самом центре раскопок.

Молодые люди, предпочитавшие живое ископаемому, остались в Лиме, так как Мария-Тереза хотела показать город Раймонду и, лишь нагулявшись вдоволь, вспомнили, что их ищут, и поехали на автомобиле по невозможной дороге, спеша добраться к месту до сумерек. Вечер был уж недалек; над ними кружились зловещие черные коршуны – галиназос, всегда голодные, которых, однако, в Перу терпят и даже почитают, поскольку они содействуют очистке улиц.

Дорога шла безбрежной равниной, мимо гациенд и *пойперас* – лугов, на которых растят табуны молодых лошадей – разделенных между собой невысокими земляными оградами-*тапиас*. Дальше от города картина становилась еще мрачнее: сплошная песчаная пустыня была усеяна костями, белевшими на солнце; то были смертные останки древних жителей этой страны, выкопанные коллекционерами и брошенные.

– Однако! Весело у вас здесь! – поморщился Раймонд.

Мария-Тереза, не переставая править, указала ему пальцем на нескольких метисов. Те бросили лошадей, которых стерегли, и играли возле гациенды в кегли, заменив шары черепами; вместо колышков в землю воткнуты были человеческие берцовые кости.

Они застали все общество разгуливающим среди гуакас – индейских кладбищ времен древних инков. Вся почва здесь была изрыта темными ямами, и в каждой лежала мумия, вырванная из своего тысячелетнего сна. Раймонд и Мария-Тереза сдали автомобиль на руки бою; тот повел мотор в анконский гараж. Но влюбленные не присоединились к остальным, а бродили вдвоем, грустные и сосредоточенные, среди этой огромной усыпальницы.

– Почему не оставить мертвых в покое, когда жизнь так прекрасна? – говорила молодая девушка, сжимая руку Раймонда.

Последний усадил ее на холмик в укромном местечке, скрытом от нескромных взоров, стал перед нею на колени и клялся, что будет всю жизнь любить ее – клялся ей всеми мертвецами, окружавшими их. И на этом мрачном кладбище уста их слились впервые... Чей-то громкий голос нарушил их уединение.

Президент общества объяснял другим значение раскопок и ход работ.

– На этом кладбище невольно встают в памяти тени инков и кажется, что вы находитесь среди них... Вот яма в сажень глубины, где под песком нашли скелет собаки, удушенной на могиле ее господина. Верный пес обязан был следовать за господином, как и его жена, и старейшие из слуг. У собаки еще была на шее веревка, которой ее удавили, и ноги ее были связаны. Дальше мы нашли скелет супруги: ее также удавили – должно быть, потому, что у нее не хватило мужества самой убить себя... И, наконец, услышали радостный возглас рабочих: «Вот

мертвец!». Индеец признает покойником только господина – тела жены и слуг он не считает достойными внимания. Вскоре из этой самой ямы вытащили огромный сверток. Покойника положили у моих ног. Мы развернули ткани, окутывавшие тело, развязали веревки. И ткани, и мумия прекрасно сохранились... даже кожа не отделилась еще от костей; зубы и волосы также все были целы. Сами египтяне не сумели бы забальзамировать лучше!

Его рассказ был прерван шумом и криками. Оказалось, что рабочие только что сделали интересную находку – обнаружены мумии трех главных вождей инков с *необыкновенными* головами.

Все поспешили туда, в том числе и Мария-Тереза с Раймондом. Действительно, находка была интересная.

В последних трех могилах найдено было множество мешочков с зернами маиса и листьями коки, глиняных сосудов, вероятно, наполненных *чичей*, – все запасы, необходимые для дальнего пути. И рядом с этим золотые вазы, серебряные амфоры, кубки, кованые статуэтки, драгоценные украшения, – целый клад, выкопанный одним ударом заступа. Мумии трех вождей были вырыты из земли или, вернее, освобождены из-под слоя песка с необычайными предосторожностями. Один из членов общества уже раскрыл их лица. Они были ужасны...

Чтобы понять, какое зрелище представилось неподготовленному взору Раймонда и его невесты, надо знать, что инки, как и посейчас баски в горных ущельях Апеннин, по желанию придавали черепам живых любую форму при помощи дощечек, которыми обкладывали черепа младенцев, связывая их веревками: то заостряли конусообразными верхушками головы, то делали голову приплюснутой, предоставляя развиваться боковым частям черепа, то превращали всю голову в большую тыкву и прочее. Теперь выяснены мотивы этого уродования: инки были уже знакомы с френологией и производили опыты, пытаясь развить то или иное душевное качество при помощи развития той или другой части черепа¹⁴. Но уродовать таким образом дозволялось лишь младенцев-инков, предназначенных к высшим должностям в государстве. Народ обречен был жить с обыкновенными черепами и мозгами.

И обнаруженные три головы были очень характерны.

Одна из них имела клинообразную форму, возвышаясь посередине, как огромная сахарная голова. И страшен, как кошмар, был этот чудовищный лоб апокалипсического зверя, обрамленный волосами, казавшимися еще живыми, так как их развеивал ветер. Вторая голова имела лоб, сильно откинутый назад, и была приплюснута, как велосипедный картуз. Третья походила на четырехугольный ящик – на маленький чемоданчик.

¹⁴ Тот же Поль Валле рассказывает в своей книге о Перу: «Каждый путешественник считает долгом побывать в Анконе и посмотреть на подземные кладбища инков, ныне засыпанные песчаными дюнами. Зрелище поучительное, но далеко не привлекательное, и надо иметь воловьи нервы, чтобы без ужаса и отвращения созерцать эту обширную равнину, которую инки сделали своим кладбищем. Повсюду возле гуакаса – могил, выпотрошенных и зияющих, валяются туловища мумий, черепа, на которых еще сохранились волосы, руки и ноги, покрытые обрывками пожелтевшей и ссохшейся кожи – все это вперемешку с обломками глиняной утвари и обрывками истлевших от времени материй»

Призраки

Мария-Тереза невольно отшатнулась назад и поспешила увести своего жениха от этой картины осквернения кладбищ, хоть ему и любопытно было посмотреть мумии поближе. Они вышли на плоский и отлогий берег у Анконы. Течений и прилива здесь почти не чувствуется; волны набегают на берег спокойно и бесшумно, и с океана веет покоем. Жители Лимы охотно приезжают сюда на купанья, но сезон еще не наступил, и берег был безлюден. Мария—Тереза и Раймонд пешком дошли до виллы маркиза. Уже совсем стемнело. Старинные лица мумий произвели на обоих сильное впечатление, и напрасно они пытались разогнать его шутками. Тотчас после заката солнца, необычайно быстрого, поднялся ветер, который крутил в сумерках легкие вихри песка – и чудилось, что призраки вставали из могил, укоряя пришельцев за их нечестие и осквернение кладбищ. И жених, и невеста по характеру не склонны были «взвинчивать» себя, но оба рады были, когда наконец добрались до виллы, и колосс-мажордом – камердинер маркиза, живой человек из плоти и крови – объявил им, что барин и господин Озу уже приехали. Молоденькая горничная-кечуаска, по имени Конха, бросилась к ногам своей госпожи с обычными изъявлениями любви и преданности, уверяя, что она, Конха, была в отсутствие барышни как мертвая и ожила только теперь, когда та приехала.

– Вот как нас здесь обожают за восемь *со лес* в месяц! – пошутила Мария-Тереза, уже оправившаяся от волнения и теперь озабоченная ужином. – Вдобавок, эта малютка отлично готовит *кухеро*, креольскую похлебку. Посмотрим, как она вам понравится, мой милый Раймонд.

– Госпожа, я приготовила вам и *локро*, которое вы так любите, – хвасталась «малютка», радостно ухмыляясь своими огромными губами, перегораживавшими пополам все ее лицо.

После обеда или, вернее, ужина все вскоре разошлись по своим комнатам, так как чувствовали себя уставшими, а дядюшка вдобавок намеревался рано встать. Раймонд и Мария-Тереза с аппетитом поели *локро* – маиса, сваренного на сахарной воде, с нарезанной маленькими кусочками говядиной, сильно наперченной и политой острым соусом – *чичей*. И, прощаясь на ночь, они уже смеялись над своими мимолетными страхами там, на берегу, после бегства с раскопок. Молодая девушка не спешила вынуть свою руку из руки Раймонда.

– Доброй ночи «деве Солнца», – говорил Раймонд, целуя солнечный диск, блиставший на руке его возлюбленной. – А все-таки, сняли бы вы лучше на ночь этот браслет... Бог его знает, откуда он и кто его держал в руках...

– Теперь он будет дорог мне и, так как вы его поцеловали, Раймонд, я сохраню его... как обручальное кольцо... Пусть он будет залогом нашего счастья...

И она ушла в свою комнату.

Но не успела она перешагнуть через порог, как закричала отчаянным голосом и выскочила обратно.

– Они там!.. Они там!.. – лепетала она испуганно, стуча зубами.

– Что такое?.. Кто такие?.. – Раймонд сам перепугался, увидев ее в таком состоянии.

– Черепа... все три... живые...

– Дорогая!.. Вы с ума сошли.

– Говорю вам, все три там, под моим окном... Прижались к стеклу и глядят... живые... с живыми зрачками... Нет, нет, не входите... Позовите папочку.

Молодой человек, взяв свечу из дрожащих рук молодой девушки, вошел в ее комнату, отворил дверь до пола, служившую вместе с тем и окном и выходившую углом на море и залитую лунным светом равнину, на которой днем производились раскопки... Ничего необычного он не заметил и, вернувшись к невесте, стал уверять ее, что она стала жертвой галлюцинации.

– Ну, полноте же, вы такая умница, такая рассудительная...

– Раймонд, я вам говорю, что я их видела.

– Но что же, собственно, вы видели?

– Там, на балконе, за стеклом... три черепа вождей – три ужасных черепа, глядевших на меня.

– Но, Мария-Тереза, придите в себя. Ведь их же при нас выкопали из ямы... Они, наверное, и сейчас там лежат... Как эти мумии могли стоять у вас под окном?.. Неужто вы верите в привидения?

– Ах, конечно нет... но те, кого я видела, были не мертвые... они были живые...

Чтобы успокоить ее, Раймонд счел за лучшее расхохотаться.

– Не смейтесь... Не смейтесь... Я отлично их узнала. Все три головы были мне ясно видны: одна *конусообразная*, другая *приплюснутая*, как фуражка, третья *чемоданчиком*. Совершенно ясно... Вы мне скажите только, что им здесь понадобилось?

На шум пришел маркиз и посмеялся над страхами дочери. Явился и дядюшка в халате и бумажном колпаке. При виде его все расхохотались – кроме Марии-Терезы. Для успокоения ее мажордом обошел кругом всю виллу – и не заметил ничего подозрительного.

– Это тебя так встревожили мертвецы, виденные нами на раскопках, – уверял маркиз. – Правду говоря, я не считал тебя такой впечатлительной.

Мария-Тереза ни за что не хотела лечь в своей комнате и велела приготовить себе постель в другой, в другом конце дома. Раймонду удалось, наконец, убедить ее, что это *могла быть только* галлюцинация и что черепа мумий *не могут* разгуливать под окнами молодых девушек.

Она даже немножко устыдилась и увлекла Раймонда на балкон, чтобы там, наедине, сказать ему, как ей стыдно перед ним, считавшим ее такой трезвой и благоразумной.

Балкон этот навис над морем. Тихий шум прибоя и безбрежный покой океана окончательно изгладили следы ее волнения. Но, тем не менее, она решительно сняла браслет.

– Это, должно быть, его прикосновение беспокоит меня. Раньше я не бывала так глупа, чтоб видеть привидения...

И она швырнула браслет в море.

Раймонд не остановил ее руки.

– Бог с ним! Я нисколько не в претензии. Я предпочитаю поднести вам самое обыкновенное обручальное кольцо – по крайней мере, мы оба будем знать, у какого ювелира оно куплено...

Они разошлись по своим комнатам. Ночь прошла спокойно. Но около семи часов утра весь дом был поднят на ноги страшным криком, донесшимся из комнаты, где спала Мария-Тереза... Раймонд и слуги бросились туда.

Молодая девушка, дрожа всем телом, сидела на кровати, не сводя безумных глаз со своей руки. На ней блеснул брошенный накануне в море браслет.

Книга вторая Ожившее прошлое

Это было так необычайно, что Раймонд испугался, пожалуй, не меньше Марии-Терезы. Он не знал, что сказать, чем утешить перепуганную девушку. На его глазах она накануне вечером бросила в море с балкона браслет – и вот, проснувшись, снова увидела его у себя на руке.

Тут мог заволноваться и самый завзятый скептик.

Раймонду сразу вспомнились все сказки, которыми ему протрубили уши обе старушки, и напрасно он теперь пытался выбросить из головы эту жестокую легенду. Она неотступно стояла перед ним во всем своем ужасе и безобразии.

Тем временем маркиз и дядюшка Франсуа-Гаспар, привлеченные криками и поднятой слугам и суетой, тоже вошли в комнату Марии-Терезы и увидели онемевшую от испуга юную парочку. Маркиз потребовал объяснений. Тут было уже не до обмана. Ему поведали всю правду. Раймонд сознался, что он только по просьбе Марии-Терезы сказал, будто преподнес этот подарок, происхождение которого на самом деле ему неизвестно, затем рассказал, как молодая девушка перед отходом ко сну швырнула в море загадочный браслет, неприятно действовавший ей на нервы.

Мария-Тереза дрожала, как в лихорадке. Отец ласково обнял ее.

Маркиз был взволнован не столько этой неправдоподобной историей, сколько необычным состоянием, в каком застал свою дочь. Всегда, в самых трудных положениях, она превосходно умела владеть собой, и ее теперешняя растерянность и волнение невольно передавались и ему.

Дядюшка повторял: «Это невозможно!.. Это невозможно...» Но в глубине души он был в восторге от такого оборота дела, сулившего ему интереснейшую главу в описании заморской поездки.

Все объяснилось очень просто – и даже слишком просто.

Маленькая Конхита, вернувшись с базара, пришла одевать свою барышню и застала весь дом вверх дном и всех господ в комнате Марии-Терезы, вокруг знаменитого браслета Золотого Солнца.

И тут она с детской наивностью рассказала, что рано утром, идя на рынок, как всегда, берегом моря, она увидала на песке что-то блестящее. Нагнулась и подняла тяжелый браслет, уже наполовину ушедший в песок. Браслет этот она видела накануне на руке своей госпожи и нисколько не сомневалась, что барышня не заметила, как он соскользнул с ее руки, когда она сидела на балконе. Конха, любившая свою госпожу, сейчас же вернулась с браслетом домой и побежала прямо в комнату Марии-Терезы. Барышня еще спала. Она не стала будить ее, а лишь осторожненько снова надела ей на руку браслет. Вот и все. И из-за этого самые уравновешенные люди готовы были поверить нелепейшим бредням! Кончилось все общим смехом. Смущенная Конхита, вся красная и немножко обиженная, выбежала из комнаты.

– Мы все начинаем с ума сходить! – воскликнул маркиз.

– С этим браслетом поневоле с ума сойдешь, – возразил Раймонд. – Надо во что бы то ни стало избавиться от него.

– Боже упаси! Он, пожалуй, опять вернется. И тогда я не отвечаю за свой рассудок, – сказала Мария-Тереза, смеявшаяся вместе с другими и даже громче других. – Знаете, что надо сделать? Нужно что-нибудь предпринять, какую – нибудь дальнюю прогулку для перемены воздуха... Поедем в горы, покажем Раймонду и господину Озу Сьерру. Сегодня мы возвращаемся в Лиму. Пожалуйста, ничего не говорите ни тетушке Агнессе, ни старой Ирене, не то они Бог знает что вообразят. Мы с Раймондом съездим в Кальяо и там дождемся вас. Я тем временем отдам все необходимые распоряжения, чтобы мое отсутствие не сказалось на деле. А вечером все сядем на пароход.

– На пароходе в Сьерру? – изумился маркиз.

– В Пакасмайю, папа.

– В Пакасмайю? – огорчился дядюшка. – Да ведь мы только что оттуда уехали. Мы просидели там, по крайней мере, четыре часа в виду берега, на котором нет ничего интересного.

– Ничего интересного? А еще знаменитый ученый! – ехидно отозвалась Мария-Тереза. – Как вы можете говорить: «ничего интересного»? Знаете ли вы, что значит поехать в Пакасмайю? Нет? Не знаете? Ну, так я вам скажу. Это значит – поехать в Каямарку.

Дядюшка даже руку к сердцу прижал.

– Каямарка? Древняя Кахамарка – столица инков?

– Вот именно, господин академик.

– Мечта моей жизни!..

– Ну, вот мы и осуществим вашу мечту... И заодно уже, папочка, наведем справки, кто отправил мне этот загадочный браслет. Ведь он послан из Каямарки.

– Ты права, дочь моя, – одобрил маркиз. – Необходимо разъяснить, наконец, эту глупую историю.

– Если это шутка кого-нибудь из моих отвергнутых поклонников, – продолжала Мария-Тереза, играя с браслетом, – можете быть уверены, что я заставлю его поплатиться. Мы над ним позабавимся в Лиме.

После этого она выгнала всех из своей комнаты и позвала Конхиту помочь ей одеться. Горничную она первым делом наградила звонкой пощечиной для того, чтобы в другой раз та не забывала разбудить свою госпожу, если ей еще когда-нибудь случится найти на песке браслет. Девочка, не привыкшая к такому обращению, расплакалась. Тогда Мария-Тереза набила ей рот конфетами... Мария-Тереза сама себя не узнавала. Она хотела быть спокойной, но выдавала свою нервность каждым жестом, каждым звуком голоса. И в то же время не могла себе простить, что так боится.

В Перу, собственно, нет дорог. Некогда инки построили тут шоссе, прорезавшее все здешние страны от границ Боливии до столицы Эквадора, шоссе, перед которым самые крупные сооружения галло-римской эпохи кажутся ничтожными; но нынешние дороги – в сущности только тропинки, пригодные разве для мулов. И потому, если вы хотите проникнуть в глубь страны, вам приходится ехать морем до одного из береговых пунктов, откуда железная дорога, пересекая Анды, доставляет путешественников в самое сердце Сьерры, одного из регионов Перу. Географически Перу делится на три полосы, параллельных морю: Коста (берег), постепенно поднимающийся от уровня океана до высоты 1500–2000 метров на западном склоне Анд; Сьерра – горы и плоскогорья, центральная часть горной цепи, высота которой колеблется между 2000 и 4000 метров, и, наконец, Монтана (область лесов), опускающаяся длинными склонами к востоку Кордильер, к Амазонке, постепенно понижая высоту с 2000 до 500 метров. В этих трех зонах все различное: климат, ландшафт и прочее.

Коста – роскошная плодородная местность; Сьерра изобилует живописными долинами со сравнительно теплым климатом; Монтана – целый океан зелени. Самое курьезное в этих любопытных местностях – разнообразие ландшафта на самом ограниченном пространстве. Для того, чтобы проникнуть в Сьерру, надо подняться на одну из высочайших гор всего мира, а под экватором это означает, что вы в течение нескольких часов будете видеть растущие рядом растения и деревья всех широт и всех климатов: по соседству с пальмой – орешник, рядом с сахарным тростником – свекловицу; здесь фруктовый сад с роскошными яблонями, а немного поодаль – группы банановых деревьев, величественно раскинувших свои широкие листья. В этой удивительной стране вас могут угостить за обедом и напитком со льдом, подобранным на снежной вершине, и сладким апельсином, растущим только под тропиками и сорванным в саду одного и того же хозяина.

Франсуа-Гаспар был в восторге. Сколько новых зрелищ, сколько очарований! Сколько новых интересных страниц в перспективе! Раймонд, маркиз и даже Мария-Тереза потешались над его школьническим рвением ученика, который во время экскурсии не хочет пропустить ничего интересного.

Тень завоевателя

Однажды они чуть не свели дядюшку с ума, спрятав шуточки ради его вечное перо. Вообще, всем было весело и все как будто забыли историю с браслетом, оставленным на попечение тетушки Агнессы и старой Ирены. Старушки, сейчас же после отъезда наших путешественников, снесли его в церковь святого Доминика и возложили на алтарь Святой Девы, уничтожающей силу заклинаний и отвращающей злые чары.

Дядюшка особенно волновался во время прибытия в Пакасмайю. Высаживаться пришлось на огромный паром, который так колыбался на волнах, что то поднимался выше палубы парохода, то опускался на несколько метров ниже. Чтобы попасть на этот паром, надо было сначала сесть в бочку, подвешенную на веревках, затем эту бочку спускали на плот – и тогда нужно было, улучив удобный момент, спрыгнуть на паром из бочки.

Мария-Тереза первой показала пример, весьма грациозно проделав это сложное гимнастическое упражнение. Маркиз, для которого это дело было привычным, порхнул, как мотылек. Раймонд так хорошо рассчитал свой прыжок, что выпрыгнул из бочки, не вынимая рук из карманов; но дядюшка так плохо рассчитал его, что бочка стукнулась о паром как раз в тот момент, когда злополучный академик думал о чем-то другом, и он выскочил из нее, словно кукла на пружинке, упав ничком. Нечего и говорить, что при посадке с парома бедный дядюшка, еще не успевший переварить недавних своих впечатлений, совершенно не был подготовлен к неизбежному толчку и кубарем скатился на берег, где его тотчас же обдало набегавшей волной. Пришлось ему наполовину раздеться и сушиться на солнышке, прежде чем продолжать путешествие, начатое при таких благоприятных предзнаменованиях.

Только на другой день утром наши путники покинули Пакасмайю, не испытав больше ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь привлечь их внимание.

Однако же, Раймонд не мог не заметить, что в пути их все время сопровождал какой-то господин с бронзовым цветом лица, который, не будь он одет по последней моде, мог бы показаться типичным представителем индейской расы, так блестяще воплощенной в Гуаскаре. Но этот господин был одет по-европейски, носил свой костюм вполне свободно и в дороге выказал себя человеком вполне цивилизованным и даже очень любезным, главным образом по отношению к Марии-Терезе, неоднократно оказывая ей услуги, которые полагается оказывать женщине, хотя бы и незнакомой. Упомянутый господин одновременно с ними сел на пароход в Кальяо, высадился на том же плоту, ночевал в той же гостинице в Пакасмайю и на другой день в одном с ними поезде выехал в Каямарку.

Зрелище перевала через первую Кордильеру из цепи Анд целиком захватило их, и вначале никто не заметил, что пассажир этот уселся в том же купе, где сидели маркиз и его спутники. Но затем он обратил на себя их внимание так неожиданно, что все путешественники, не отдавая себе отчета, почему именно, почувствовали, что он их страшно стесняет.

Они любовались пейзажем и разнообразием флоры, обменивались между собой восторженными замечаниями; но, когда дорога пошла узким и чрезвычайно диким ущельем, незнакомец торжественным голосом изрек:

– Вы видите эту круглую площадку, seYores? Отсюда Писарро направил первых послов к последнему царю инков.

Все повернулись к нему, но он словно никого не видел. Он стоял на площадке вагона, скрестив руки на груди и не отрывая взора от утесов, у подножия которых величайший в мире авантюрист остановился перед тем, как завоевать империю.

– С ним был и мой дед! – воскликнул маркиз.

Незнакомец даже не оглянулся на него, но произнес «Нам это известно» – таким странным голосом, что маркиз и прочие невольно удивились. Что это за чудаки едет с ними? Почему то их особенно тревожила его величавая неподвижность.

Помолчав, незнакомец заговорил:

– Да, мы не забыли, что в числе спутников Писарро был Кристоаль де ла Торрес. Господин маркиз, мы хорошо знаем нашу историю. Писарро покинул испанскую колонию в Панаме, движимый предчувствием, что он найдет за экватором сказочную страну, еще более богатую, чем та, которую подарил недавно Кортес Карлу V-му. И когда Писарро, уже перенесший тысячу опасностей и растративший все свои деньги, увидел, что над ним нависла угроза быть всеми покинутым, – он выхватил шпагу и провел ею черту на песке с востока на запад. Затем, повернувшись к югу, молвил: «Друзья и товарищи! По эту сторону – лишения, голод, нагота, проливные дожди, опасности всякого рода и смерть; по другую – серенькая жизнь и благополучие. Но зато там, на юге, – Перу с его сказочными богатствами, слава, бессмертие. Выбирайте. Пусть каждый решит, как надлежит поступить храброму кастильянцу. Что касается меня – я иду на юг». С этими словами он переступил ногой за черту. Первым за ним последовал отважный лопман Руис, затем Педро де Кандия, рожденный, как и говорит его имя, на одном из греческих островов. И еще одиннадцать человек, один за другим, перешагнули через черту, заявив таким образом о готовности делить радость и горе со своим вождем. В числе этих одиннадцати был и Хуан Кристоаль де ла Торрес – мы это знаем. Сеньор, *мы это знаем*.

– Но кто же вы-то сами, милостивый государь? – грубо спросил маркиз. Манера незнакомца держать себя, хотя и чрезвычайно учтивая, начала его раздражать.

Тот как будто не слышал. Он продолжал, как бы отдавая должное подвигам предков:

– Не правда ли, господа, не правда ли, сеньорита, есть что-то завораживающее в этом образе кучки храбрецов, обречших себя на опасное предприятие, которое, казалось, было им совсем не под силу – как, впрочем, и многие подвиги, о которых рассказано в летописях странствующего рыцарства. Подумайте только, господа: кучка людей, без запаса провизии, без одежды, почти без оружия, собралась на одиноком утесе и заявляет о своей решимости предпринять крестовый поход против одной из самых могущественных империй, когда-либо существовавших на свете. И ради этой безумной затеи они не боятся рискнуть своей жизнью. И в числе этих людей был Кристоаль де ла Торрес... Господин маркиз, примите мои поздравления. И, кстати, позвольте представиться: ваш покорный слуга – Уайна Капак-Рунту, заведующий конторой франко-бельгийского банка в Лиме. Вам незачем стыдиться моего общества, маркиз, так как мы оба благородного происхождения. В моих жилах течет царская кровь. Уайне Капаку, королю инков, было всего 16 лет, когда он унаследовал трон своего отца. Детей от законной жены Пиллан Хуако он не имел. Тогда он взял еще двух законных жен: Рава-Белло и ее двоюродную сестру Мама-Рунту. Я – один из потомков Уайны Капака и Мама-Рунту.

– Значит, ваше начальство предоставило вам отпуск? – с оттенком наглости осведомился маркиз.

Мрачный огонь мелькнул в глазах Уайны Капака-Рунту.

– Да, – выговорил он глухим голосом, – мое начальство дало мне отпуск *по случаю праздника Интерайми*.

Раймонд невольно вздрогнул, услышав это слово, которое ему так часто приходилось слышать в связи с браслетом Золотого Солнца. Молодая девушка была, видимо, обеспокоена тем, какой оборот принял разговор между ее отцом и этим странным пассажиром. Она теперь припоминала, что не раз видела этого господина в франко-бельгийском банке и сам он даже не раз бывал у нее в Кальяо по делам, когда ей случалось отправлять большой транспорт гуано в Антверпен. В то время он показался ей совсем незначительным, и даже лицо его изгладилось из ее памяти.

Только теперь, когда этот псевдо-перувианец в безукоризненном европейском костюме горделиво объявил себя индейцем чистейшей крови из племени кечуа, она разглядела в лице его и во всей фигуре расовые особенности, делавшие его похожим на родного брата Гуаскара. Она знала по опыту, как шепетильно-обидчивы индейцы из этого племени, и опасалась, как бы неосторожный маркиз, может быть, сам того не подозревая, не вызвал бури. Поэтому она с милой улыбкой вмешалась в разговор.

– Праздник Интерайми? Да ведь это же ваш самый важный праздник. Что же, в этом году его будут как-нибудь особенно праздновать в Каямарке?

– В этом году он будет отпразднован с особой пышностью во всех Андах.

– А непосвященных вы не допускаете? Мне так интересно было бы посмотреть на этот праздник, о котором идет столько разговоров. Чего только о нем не рассказывают!

– Глупости, сеньорита, пустяки рассказывают, поверьте мне, – поспешил заверить ее индеец, сразу смутившийся, как мальчишка, перед знатной перувианкой.

И, улыбаясь какой-то странной улыбкой, обнажившей его ослепительные зубы и подчеркнувшей жесткость линий подбородка, он прибавил, слегка шепелявя, каким-то томным, изнеженным голосом:

– Я знаю. Рассказывают о человеческих жертвоприношениях... Но это просто бабские сказки... Человеческие жертвы на празднике Интерайми!.. Да вы взгляните на меня. Неужели у меня в этой визитке от Сарате такой вид, как будто я еду на бойню? О, нет... Кое-какие обряды, напоминающие о нашем былом величии, молитвы богу Света и благоговейное чествование памяти последнего нашего короля-мученика, нашего несчастного Атагуальпы, – вот и все, поверьте... А в конце будущего месяца, сеньорита, я снова буду иметь честь явиться к вам со счетами из нашего банка...

Раймонд совершенно успокоился. Улыбка Марии-Терезы и гримаса дядюшки, разочарованного прозаичностью этого потомка инков, служащего конторщиком в банке, разогнали последние неприятные мысли, возникшие у наших путников при упоминании о празднике Интерайми.

Местность становилась все более и более мрачной. Поезд шел по самому дну глубокого ущелья, между двух стен головокружительной высоты. Наверху виднелась только полоска ослепительно-яркой лазури, где реяли кондоры с огромными крыльями, описывая медлительные круги.

– И такими-то дорогами Писарро с крохотной кучкой товарищей шел покорять инков! – воскликнул Раймонд. – Но его же было так легко раздавить и уничтожить. Каким образом он уцелел?

– Сеньор, – мрачно ответил банковский конторщик, – его не трогали, потому что он шел к нам в качестве друга.

– Но позвольте! Так не завоевывают империи. Когда они двинулись на Каямарку, – сколько человек было в отряде Писарро?

– Они получили подкрепление, – вставил маркиз, покручивая усы, – их было *сто семьдесят семь*.

– Без девяти, – поправил конторщик.

– Сто семьдесят семь без девяти – итого сто шестьдесят восемь, – моментально произвел вычитание дядюшка, никогда не расстававшийся с своей книжечкой и карандашом.

– Почему без девяти? – спросила Мария-Тереза.

– Потому, сеньорита, – ответил потомок Мама-Рунту, по-видимому, знавший историю завоевания Перу лучше, чем сами потомки испанских завоевателей, – потому, сеньорита, что и с этими новыми спутниками Писарро проделал ту же историю. Он не скрыл от них трудности задачи и предоставил им свободный выбор. Среди гор Писарро остановился, чтобы дать передышку своим людям и сделать смотр отряду. О, вы имеете право гордиться, господа: в нем

было всего-навсего *сто семьдесят семь человек*, из них шестьдесят семь всадников. Во всем отряде *только у трех человек* имелись пищажи, да у нескольких *арбалеты*; всего вооруженных, таким образом, было не более двадцати человек. И с этим-то войском Писарро выступил против превосходно обученной армии в пятьдесят тысяч человек, против двадцатимиллионного народа, ибо тогдашнее Перу, в котором владовали инки, включало в себя и ту область, что мы ныне зовем Эквадором, и Перу, и Чили, и Боливию. И тем не менее, господа, он нашел, что отряд его еще слишком велик. Он с тревогой заметил, что среди его воинов есть такие, у кого лица как будто стали унылыми, и шагают они уже не так бодро, как прежде. Он чувствовал, что, если их уныние передастся другим, вся его затея погибнет, и счел за лучшее отсечь пораженный орган, пока гангрена не заразила весь организм. Он собрал своих людей и сказал им, что наступил критический момент, когда от них потребуются проявить их мужество во всей полноте. Тот, кто хоть сколько-нибудь сомневается в успехе, пусть лучше вернется назад. Если кто раскаивается, что пошел за ним, еще не поздно, – пусть уходит. Сомневающиеся могут вернуться в Сан-Мигуэль, где уже остались несколько человек... С теми же, кто готов рискнуть вместе с ним, – будь их много или мало, – он пойдет до конца. И вот девять человек отделились. Четверо пеших и пятеро конных. А остальные кричали «виват» своему генералу...

– И первым из них крикнул тот, кто был для Писарро все равно, что братом родным, – мой предок Кристобаль де ла Торрес, – воскликнул маркиз.

– Мы это знаем, мы это знаем, – еще раз с тем же неприятным оттенком иронии в голосе повторил этот странный банковский конторщик с царской кровью в жилах.

– Нельзя ли узнать, почему вы нам рассказываете обо всех этих подвигах? – надменно и сухо осведомился маркиз.

– Для того, чтобы показать вам, сеньор, что побежденные еще лучше победителей знают историю своей страны, – ответил тот с напыщенностью, несколько забавной в человеке, так безукоризненно одетом в костюм от Сарате, то есть из лучшего магазина готового платья в пассаже Аманкас.

– Боже мой, какая красота! – неожиданно воскликнула Мария-Тереза, которая снова испугалась, как бы спор не обострился, и поспешила перевести внимание путников на ландшафт.

Разговор в темную ночь

Поезд в эту минуту проходил через мост, откуда открывалась несравненная панорама. Впереди высились величественные и дикие Анды, утесы громоздились на утесы, пониже через трещину в горе открывался вид на вечнозеленые леса, там и сям перемешанные с садами, посаженными на уступах гор рукой человека; поднимая глаза, вы видели снежные гребни гор, блистающие на солнце. В этой картине дикой горной природы было столько величия и красоты, что никакой другой пейзаж не мог с ней сравниться.

Но это зрелище было так же страшно, как и красиво: ежеминутно поезд проносился над безднами. Мария-Тереза, опиравшаяся на руку Раймонда, невольно вздрагивала и шептала, вспоминая о безумной храбрости конквистадоров: «И даже эти горы не смогли остановить отряд Писарро».

К несчастью, ее слова были услышаны пассажиром в костюме от Сарате, который заметил – на этот раз с явной враждебностью в голосе:

– Не правда ли, мы могли бы их раздавить уже одной только численностью?

Маркиз одним пируэтом очутился возле потомка древних царей и, приподнявшись на цыпочки, добродушно и свысока потрепал его по плечу:

– Почему же вы не сделали этого, сеньор?

– Потому что мы – не предатели.

Раймонд едва успел схватить за талию и удержать в своих могучих объятиях вспыхнувшего маркиза, готового кинуться на дерзкого индейца.

Кристобаль де ла Торрес бился в его руках, как дьяволенок, и был ужасно смешон. Но достаточно было Марии-Терезе сказать несколько слов, и он почти моментально успокоился. Молодая девушка знала гордость отца и поспешила вполголоса напомнить ему, как он унижает себя – он, маркиз де ла Торрес – вступая в пререкания с каким-то банковским служащим.

– Ты права, – заявил маркиз, высвобождаясь и бросая своему собеседнику, не тронувшемуся с места, взгляд, полный такой дерзкой надменности, что Уайна Капак побледнел. Он тоже, очевидно, понял смысл слов, сказанных Марией-Терезой отцу. Дело, пожалуй, совсем бы испортилось, но в эту минуту поезд остановился. Дорога была еще не достроена и здесь рельсы обрывались. До Каямарки оставалось около сорока километров, и это расстояние предстояло проехать на мулах, так как кругом были горы, ущелья, и настоящих дорог здесь быть не могло.

Впрочем, наши путники этим не огорчались – очень уж живописным было место их ночлега. К склонам гор прилепилось несколько досчатых барачков, где помещались рабочие, занятые на постройке дороги. Поодаль – с дюжину довольно удобных палаток; в них обыкновенно и устраивались на ночь путешественники, вынужденные дожидаться утра, чтобы двинуться в Каямарку. Десятка три мулов бродили тут же на свободе, щипля редкую травку. Неизбежные кондоры-галиназос и здесь реяли в воздухе, описывая свои медлительные круги. Обед, сервированный на краю пропасти, в глубине которой шумно бурлил горный поток, прошел очень весело. Банковский конторщик куда-то исчез, но вечером Мария-Тереза неожиданно встретила его у своей палатки. Он униженно кланялся и просил прощения за инцидент в поезде. Он не предполагал, что разговор о такой старой истории мог быть неприятен «господину маркизу», которого он глубоко уважает. Ему известно, что маркиз в наилучших отношениях с директором франко-бельгийского банка, и он надеется, что эта маленькая неприятность не будет иметь последствий.

Молодая девушка успокоила его, едва удерживаясь от смеха. Свирепый потомок инков боялся потерять свое место!

Когда он отошел, она вернулась к отцу и Раймонду и очень насмешила их своим рассказом. Затем все разошлись по палаткам и улеглись спать, кроме дядюшки, который пол-

ночи провел за приведением в порядок дорожных заметок и длиннейшим письмом в вечернюю газету, где рассказывал, что намерен пройти весь путь, которым Писарро шел на завоевание Перу, и притом в обществе индейца, потомка царей инков. Этого индейца он описывал очень подробно, придавая ему самую дикую и свирепую внешность, украшая его волосы перьями и, разумеется, забывая прибавить, что он одевается в лучшем столичном магазине готового платья.

Сон Марии-Терезы был тревожен, как и все ночи с тех пор, как ей померещились на балконе, за окном спальни, три черепа – один блином, другой конусообразный, как сахарная голова, и третий чемоданчиком.

Она поворачивалась с боку на бок, ежеминутно просыпаясь, и никак не могла забыться и отдохнуть, хотя и очень устала.

Внезапно она приподнялась и села на кровати, насторожившись и прислушиваясь. Ей послышался возле самой палатки хорошо знакомый голос.

Она бесшумно скользнула к полотняной двери своей импровизированной спальни и слегка отодвинула ее рукой. В свете луны видны были две удалявшихся тени.

Она тотчас же узнала конторщика франко-бельгийского банка, но не сразу узнала его спутника, так как лица его не могла разглядеть. Но вот обе тени остановились, повернулись к палатке, указывая на нее пальцем, и Мария-Тереза чуть не вскрикнула: «Гуаскар!»

Зачем здесь появился Гуаскар? Что ему тут делать? О чем он мог разговаривать ночью перед ее палаткой с этим странным Уайной Капаком? Почему они указывали на палатку, где она спала? Что все это значит?.. Обе тени снова повернулись и пошли дальше. Среди ночной тишины где – то близко послышалось лошадиное ржание, и в лунных лучах молодая девушка без труда разглядела лошадь, привязанную к столбу и бившую ногами от нетерпения. Гуаскар был уже в седле; банковский конторщик отвязывал лошадь, продолжая таинственную беседу и время от времени указывая на палатку Марии-Терезы. Наконец, всадник ускакал и скрылся за палатками, и одновременно с ним скрылся и конторщик. Кругом снова стало тихо.

Опять Гуаскар

Мария-Тереза не сомкнула глаз до утра. Неожданное появление Гуаскара заставило ее призадуматься и, конечно, не могло рассеять тревогу, притаившуюся на дне ее души, хоть она гнала ее прочь и стыдилась своей трусости.

Неужели ей надо опасаться Гуаскара? Этого она не могла допустить. Она отлично знавала, что индеец любит ее, но лишь как верный пес, и поклялась бы, что она может рассчитывать на его преданность, если бы ей угрожала какая – либо опасность.

А между тем... между тем... Но что «между тем»? Какая же опасность грозит ей?.. Мария-Тереза готова была рвать и метать. Это невыносимо. Она оказывается еще глупее этих старух, живущих среди своих воспоминаний, старинной мебели и нелепых старых сказок. Она решила никому не рассказывать о виденном ночью – ни отцу, ни Раймонду. Не желает она прослыть маленькой трусишкой, которую пугают ночью тени, разгуливающие при луне.

Но, вместе с тем, она решила при первом же удобном случае объясниться напрямик с Уайной Капакком.

Случай этот представился не далее, как на другое же утро. Путники наши уселись каждый на своего мула и двинулись в путь. Мария-Тереза, маркиз, Раймонд и дядюшка маленькой группой ехали впереди всех других. Франсуа—Гаспар, вначале весело усевшийся в седло, теперь бунтовал и хотел сойти: дорога казалась ему слишком опасной. Со спины мула пропасть казалась ему в десять раз глубже, и он готов был идти пешком, а местами, для большей безопасности, даже ползти на четвереньках. Мул его жался к стене утеса, и это страшно пугало академика. Ему все казалось, что животное вот-вот поскользнется. Наконец, он не выдержал, остановился и, так как проехать можно было только поодиночке, вместе с ним остановился и весь караван.

Хуже всего, что с мула он пытался слезть так неловко, с такими неуклюжими движениями, что бедное животное едва не потеряло равновесие и чуть не свалилось с утеса. Сзади ему кричали, чтобы он успокоился и не слезал. Он кричал в ответ, что так и быть, он не спешится, но в таком случае не сделает ни шагу дальше. Положение было в высшей степени комическое.

В это время банковский конторщик, спешившись и проскользнув между мулами вдоль отвесной стены, добрался до дядюшки, взял под уздцы его мула и очень ловко провел его через опасное место, невзирая на отчаянную жестикуляцию академика. Раймонд и Мария-Тереза волей-неволей вынуждены были поблагодарить его. Мария-Тереза очутилась с ним рядом.

– Здравствуйте, сеньор Уайна Капак-Рунту, – начала она с приветливой улыбкой.

– Э, полноте, сеньорита, оставим эти славные имена – они умерли вместе с моими предками; теперь я имею право называться только тем именем, под которым меня знают в банке. Меня зовут Овьедо... вот и все.

– А! Теперь я припоминаю... Да, да, мы виделись с вами в конце каждого месяца. Овьедо из франко-бельгийского банка... Ну-с, сеньор Овьедо, не можете ли вы мне сказать, что вы делали сегодня ночью возле моей палатки с моим бывшим управляющим Гуаскаром?

Овьедо-Уайна Капак-Рунту и бровью не повел. Только мул его как-то странно шатнулся в сторону. Но всадник удержал его твердой рукой.

– А, вы видели Гуаскара?.. Он прискакал среди ночи и велел разбудить меня. Это мой старый друг. Он знал, что я еду в Каямарку, и, так как он сам туда направлялся, не хотел проехать мимо, не пожав мне руки. Мы, действительно, несколько минут простояли у вашей палатки. Узнав, что вы здесь (это я сказал ему), он просил меня оберегать вас... И сейчас же уехал.

– От чего же меня надо оберегать? – спросила Мария—Тереза. – Разве мне угрожает какая-нибудь опасность?

– Никакой. Но мы все здесь рискуем. Эта дорога сама по себе очень опасна. Долго ли поскользнуться мулу? Такое нередко бывает. Стоит соскользнуть некрепко привязанному седлу, – и человек летит в пропасть. Вот что имел в виду Гуаскар и вот почему я сегодня утром сам выбирал для вас мула и сам оседлал его.

– Благодарю вас, – сказала девушка довольно сухо. Эта непрощенная заботливость вовсе не была ей приятна.

Их нагнал дядюшка. Самообладание уже вернулось к нему, так как здесь дорога была пошире. Он сейчас же заговорил о дикости здешних ущелий и уверял, что ни капельки не боялся.

– А все-таки, – прибавил он, – я не могу понять, как Писарро ухитрился пройти здесь с своей маленькой армией.

Мария-Тереза так посмотрела на академика, что бедняга непременно свалился бы со своего мула и полетел в пропасть, если бы только поймал этот взгляд. К счастью, он его не заметил и продолжал разговор на ту же опасную и сильно интересовавшую его тему.

– Да, это кажется невероятным, – подтвердил индеец. – Я тоже ломал себе голову над этим вопросом. Местами подъемы так круты, что им, очевидно, приходилось спешиваться и вести лошадей под уздцы, кое-как карабкаясь самим. Один неудачный шаг – и можно было сверзиться с высоты тысячи футов. Где без труда может пройти голый индеец, там всаднику в полных военных доспехах, да еще с поклажей, приходится туго. Все эти ущелья, видимо, представляли собой укрепленные позиции, и испанцы вступая в эти узкие проходы, стиснутые каменными стенами, наверное, с тревогой озирались вокруг, высматривая неприятеля.

– А что же делал в это время неприятель? – осведомился подъехавший к ним Раймонд.

– Неприятель ничего не делал, сеньор. Неприятель, по ту сторону гор, ждал к себе в гости испанцев... Нападению предшествовали переговоры – и индейцы полагали, что к ним идут друзья.

– Извините, господин конторщик франко-бельгийского банка, – раздался голос маркиза, – не разрешите ли вы мне вставить маленькое замечание? Позвольте вас спросить, как вы думаете: если бы ваш король Атагуальпа хоть на минуту мог вообразить, что его пятьдесят тысяч воинов не в состоянии будут справиться с полутора сотнями испанцев, неужели он стал бы ждать у себя в шатре Писарро и его спутников? Он не пошел против них просто потому, что презирал такого слабого противника. И он был неправ, господин Рунту.

Индеец скромно поклонился, привстав в седле.

– Да, господин маркиз, он был неправ.

И он указал пальцем вверх, на вершину утеса, где на фоне лазури виднелась какая-то черная точка.

– Ему следовало бы появиться в этих ущельях, совсем как этому всаднику над нашими головами, и от безумной затеи ничего бы не осталось, и бог наш, Солнце, до сих пор царил бы в империи Инков.

Банковский конторщик как будто вырос в седле. Широким патетическим жестом он словно обвел всю громаду Анд, точно служивших пьедесталом всаднику, застывшему на вершине утеса. Это был индеец, недвижимый, как бронзовая статуя.

– Гуаскар! – воскликнула Мария-Тереза.

И впрямь, все узнали Гуаскара. И все время, пока они находились в пределах первой цепи Анд, то впереди, то позади себя, но всегда над собой, всегда недвижимого в то время, как они проезжали мимо, словно символ покровительства или угрозы, они видели Гуаскара. Его высокий конный силуэт все время господствовал над ними и тревожил их воображение.

Нашим путникам пришлось еще одну ночь провести в шатрах, но на другое утро перед ними раскинулась долина Каямарки, в изобилии наделенная природой всевозможными красотами. Она расстилалась, как роскошный зеленый ковер, вышитый пестрым узором, пред-

ставляя собой разительный контраст с мрачными громадами окружавших ее Анд. Во времена Конквистадора обитатели этой долины по развитию стояли несравненно выше всех племен, попадавшихся испанцам по другую сторону гор: о том свидетельствовали и одежды их, красивые и со вкусом отделанные, и удобные, опрятные жилища. Куда глазом ни кинь – видно было, что здесь живут культурные люди, умеющие возделывать землю. Через пышные луга протекала широкая река, от которой с целью обильного орошения отводили воду канавами и подземными акведуками. В долине произрастали всевозможные злаки, ибо почва ее была плодородна, а климат, не такой знойный, как в прибрежной области, способствовал росту всего, что дарит земля умеренных широт. У ног авантюристов-завоевателей расстился маленький городок Каямарка с его белыми домиками, ослепительно блестящими на солнце, подобно драгоценному камню, сверкающему на мрачной опушке Сьерры.

На милю дальше, в долине, Писарро мог видеть поднимавшиеся к небесам столбы пара, указывавшие местонахождение знаменитых горячих источников, в которых так охотно купались перувианские князья.

Там же взорам воинов Писарро представилось и менее приятное зрелище. Они заметили на склоне высокой горы белое облако шатров, точно густые хлопья снега покрывавших землю на пространстве, казалось, в несколько миль. «Мы все были изумлены, – пишет один из завоевателей, – видя, что индейцы занимают такую неприступную позицию и что у них такое множество палаток, расположенных с правильностью, какой мы еще не видели в Индии. Зрелище это несколько смутило и даже устрало и наиболее мужественных, но возвращаться было уже поздно, а выказывать малодушие – недостойно нас.

Поэтому, стараясь по возможности сохранять хладнокровие и внимательно исследовав местность, мы приготовились вступить в Кахамарху».

Весь горя и волнуясь от сознания, что он находится в том уголке земли, где разыгралась невероятнейшая авантюра, дядюшка Франсуа-Гаспар, стоя на стремянах, восторженно приветствовал Каямарку, о которой он так долго мечтал. Спеша похвастаться сведениями, почерпнутыми из разговора с Овьедо Рунту, он показывал своим спутникам место, где король Атагуальпа со своими пятьюдесятью тысячами воинов поджидал испанских гостей. Эта грозная армия не внушала страха почтенному академику; он сам себе казался конквистадором и уже воображал себя героем древней авантюры. Приподнявшись на стремянах, он громко крикнул: – Вперед! – и пришпорил своего мула.

Неизвестно, что почувствовал владыка Перу, увидав перед собой воинственную кавалькаду белых людей с развевавшимися знаменами и в блестящих доспехах, отражавших лучи заходящего солнца, когда эта кавалькада, выехав из мрачных глубин Сьерры, двинулась с явной враждебностью к его прекрасным владениям, где прежде еще не ступала нога белого. Но, когда дядюшка поскакал вперед, уносимый испуганным мулом, вся компания покатилась со смеху. Подстрекаемые этим смехом и радостными громкими возгласами, вслед за ним помчались и прочие мулы – одни крупной рысью, другие галопом. Этот шум и топот позади еще больше напугали мула, на котором ехал несчастный академик, и естественная развязка не заставила себя долго ждать.

Мул споткнулся – и дядюшка полетел вверх тормашками. Все бросились к нему, обступили его, но он уже вскочил на ноги и не только не сердился, но, наоборот, пребывал в восторге.

– Милостивая государыня и милостивые государи, – воскликнул он, – вот как Писарро выиграл свою первую битву.

И он объяснил смеющимся Раймонду и Марии-Терезе, что во время первой встречи испанского авантюриста с перувианцами, еще до перехода через Анды, Писарро с его маленьким отрядом был едва не уничтожен количественно более сильным войском инков. Но вдруг одна из лошадей в его отряде споткнулась и сбросила всадника. Инки, прежде никогда не выдавшие лошади, были настолько поражены, увидав, как это необыкновенное животное –

всадник и конь – распалось надвое, что бросились бежать, оглашая воздух безумными воплями.

Никто, разумеется, не поверил почтенному академику, а между тем, он рассказывал сущую правду. Но вся история с завоеванием Перу так фантастична, что недоверие к ней вполне извинительно у тех, кому не доводилось, как дядюшке, рыться в мадридских архивах и своими глазами читать древние летописи. Франсуа-Гаспар Озу, разумеется, тщательно изучил историю Перу по первоисточникам, прежде чем отправиться вместе со своим племянником вновь открывать Америку. Наши путники все еще смеялись над его маленьким приключением, когда подъехали к стенам Каямарки.

Подарок Атагуальпы

Они въехали в город уже под вечер. Путешественников прежде всего поразило множество встреченных на улицах индейцев и их безмолвие.

В обыкновенное время Каямарка насчитывает двенадцать-тринадцать тысяч жителей; но в этот вечер их было, наверное, вдвое больше. Впрочем, и в дороге путники все время обгоняли или видели перед собой караваны индейцев, направлявшихся с берега или из лесной области в священный город – ибо Каямарка для индейцев то же, что Мекка для мусульман. Это как бы усыпальница инков, и по ее улицам нельзя шагу ступить, не наткнувшись на множество обломков бывшего величия погибшей империи.

Не одни путники, а и сами обитатели города дивились такому огромному стечению паломников из племени кечуа и других племен. До сих пор на праздник Интерайми никогда не собиралось так много участников; по крайней мере, старожилы такого не помнили. Даже во время особо торжественных праздников, повторявшихся только раз в десятилетие, индейцы имели обыкновение скорее скрываться, чем собираться толпами.

Чему приписать такой наплыв? Власти тревожились, но не имели повода вмешиваться. В Каямарку – поскольку на другом конце Перу Гарсия поднял знамя восстания – были вызваны лишь немногочисленные войска.

Двери восьми христианских церквей на случай неожиданного нападения охранялись солдатами, ибо каждый из этих старинных храмов легко мог быть превращен в надежную крепость. Оставшаяся часть отряда стояла на главной площади города, неподалеку от развалин дворца со знаменитым камнем, на котором был сожжен Атагуальпа, последний царь инков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.